

Урожайный Ветерник

Татьяна Луганцева

НАД ПРОПАСТЬЮ
НЕ РЖИ!

Переводчица Ефросинья Кактусова – женщина не очень счастливая в любви. Очки с устрашающе толстыми линзами и весьма блеклая внешность не способствовали ее успеху у лиц сильного пола. Зато она постоянно попадала в самые невероятные истории – то проснется без вещей и документов в костюме лося в постели бывшего возлюбленного, то влетит под машину, то окажется в компании парочки трупов в купе поезда, то попадет в ловушку к кровожадным извергам. Но самое-самое удивительное происшествие ждало Фросю впереди...

Книга также выходила под названиями «Сейф для любовных улик» и «Мужчина-сказка, или Сейф для любовных улик».

Татьяна Луганцева

Над пропастью не ржи!

© Т. И. Луганцева, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

В какой-то момент Ефросинья Евгеньевна Кактусова поняла, что в ее случае высшее образование не гарантировало ей ума и житейской мудрости. Когда дело касалось работы, профессии, то ей не было равных по уму и сообразительности, а вот если речь заходила о каких-то женских хитростях, устройстве личной жизни, она всегда оказывалась на последних позициях.

В семье Фроси сложился особый культ отца. Евгений Григорьевич был весьма незаурядной личностью с сильным характером. Про таких обычно говорят – человек со стержнем. Известный физик-ядерщик, со своими взглядами и убеждениями, совершенно аполитичный, Евгений Григорьевич всегда боролся за справедливость, ощущение коей было у него отточено до абсолюта. Причем ему было все равно, кто перед ним, простой дворник или партийный чиновник.

Понятно, что с такой жизненной позицией профессору Кактусову в годы советской власти пришлось нелегко. Руководство, обеспокоенное тем, что ведущий специалист остается беспартийным, разными способами пыталось заставить Евгения Григорьевича вступить в коммунистическую партию – и по-хорошему, суля поездки за границу и повышение оклада, и по-плохому, грозя понизить по службе вплоть до статуса младшего научного сотрудника, сделать «невъездным», не номинировать на государственные премии, лишиться правительственной дачи и еще много чего. Но ученый был неисправим и неумолим. Он так и заявлял, глядя начальству в глаза:

– Можете хоть кожу с меня содрать, но я от своих убеждений и взглядов не откажусь. Если я говорю, что этот человек – жирная свинья и взяточник, то, значит, так и есть. И ничего другого я ему не скажу, не покривлю душой. И я не хочу быть в рядах партии, где вижу много негативных моментов. Сказать, каких именно?

– Нет! – хором отвечали Евгению Григорьевичу.

И Кактусов замолкал с торжествующим видом. Кстати, внешность его соответствовала внутренней мощи – высокий статный мужчина со стоящими дыбом черно-седыми волосами, этакая соль с перцем, и с очень внимательным, пронзительным взором.

Конечно, при таких взглядах гнить бы ему в лагерях как политическому врагу родины, но компартия Советского Союза не могла пойти на это в период гонки вооружений. Потому что, если бы не стало Кактусова, развитие ядерной промышленности (да что там, скажем честно – ядерного оружия) остановилось бы на несколько лет. То есть самое главное – гонка вооружений, на чем держалась политика того времени, была бы проиграна. А этого допустить было нельзя, что понимали все. И в руководстве тоже. Поэтому Евгений Григорьевич оставался на свободе, пользовался привилегиями, словно являлся членом партии. Только вот на съездах и конференциях ему не давали много времени для выступления, особенно перед иностранными коллегами, ссылаясь на то, что товарищ Кактусов очень замкнут и очень занят.

На самом же деле Евгений Григорьевич был даже очень общительным человеком и всегда находил время для личной жизни, несмотря на колоссальную занятость и загруженность на архисерьезной работе. Будучи мужчиной видным, он пользовался успехом у женщин. Буквально легенды ходили о количестве любовниц у товарища Кактусова, что также было вне рамок советского общества, главной ячейкой которого являлась семья. Но и

на это приходилось закрывать глаза. Правда, несколько раз на собраниях поднимался вопрос об аморальности его поведения, но опять же не смогли на него ничем надавить, потому что исключить из партии того, кто в ней не состоит, невозможно. И вызывать к совести человека, у которого загораются глаза при виде любой женщины, тоже бесполезно. Кактусов только отмахивался и напоминал о своей честности по отношению к дамам, ведь профессор и им умудрялся признаваться в лицо, что он форменный бабник.

– Евгений Григорьевич, вы уже в таком солидном возрасте! Как вы можете вести себя так легкомысленно? – корило ученого начальство. – Пора бы уже обзавестись семьей! Пошли бы дети, внуки... Ну, не нам же объяснять вам законы существования человечества?

А Евгений Григорьевич смеялся в ответ:

– Уважаемые товарищи, вмешательство в личную жизнь вообще недопустимо! И не дозволено ни партийным органам, ни каким-либо другим! Я не вижу рядом с собой достойной меня женщины. Может, я вовсе не создан для семьи, и в этом моя особенность. Мне кажется, честнее не жениться совсем, чем создавать так называемую крепкую семью и изменять супруге направо и налево. Честнее уж жить, как я, тем более что женщины на меня не в обиде, – честно признался профессор. – Кстати, про детей-внуков вы так говорите, мол, пошли бы, словно они грибы. Так вот что я вам отвечу – я не грибок!

Кактусов оказывал на представительниц слабого пола просто-таки магическое действие. Что ж, он был красив, умен и остроумен. И крутил любовь направо и налево, не брезгуя даже женами друзей, так как не мог пропустить мимо ни одну женщину. Но Евгений Григорьевич никогда ничего и не обещал своим любовницам. А вот помогал им, пользуясь своим служебным положением, всегда. Например, доставал продукты, путевки для заграничных поездок и талоны на отоваривание в пресловутых магазинах «Березка», где только и можно было купить чешский хрусталь, американские джинсы и французские духи. Он всегда откликался на просьбы о помощи в трудную минуту и устраивал родных и близких своих любовниц (зачастую и их мужей тоже) в лучшие ведомственные больницы, а детей в детские сады и пионерские лагеря.

Дамы любили и ценили Кактусова. И каждая понимала, что он не способен принадлежать только ей одной, поскольку не вписывается в рамки семьи. Да и вообще, какая бы женщина могла быть единственной рядом с такой личностью, чтобы все ему прощать и не расплавиться в лучах его славы?

Но, конечно же, все свое основное время профессор Кактусов посвящал физике и математике, главной страсти его жизни. Мозг ученого работал как компьютер, когда еще и понятия-то такого не было. Может, поэтому Евгению Григорьевичу и не везло с женщинами: он сразу просчитывал каждую из них от первого взгляда до последней ухмылки.

И вот когда все смирились, что ведущий ученый так и останется холостяком, в институт на кафедру физики биологических тел взяли молоденькую лаборантку Зинаиду, совершенно ничем не примечательную внешне, этакую тихую и спокойную «серую мышку». Евгений Григорьевич не сразу ее заметил, но когда вышел из своих исследований и расчетов, не смог пройти мимо. Тут-то и началось самое интересное. Зина, несмотря на внешнюю хрупкость и трогательность, проявила прямо-таки кремниевый характер. На все попытки известного ловеласа сблизиться она отвечала твердым «нет». Сначала это забавляло ученого, потом его охватил азарт и еще какое-то доселе неизвестное ему чувство, а затем мужчина просто заболел, да, заболел ею, перестал есть и спать.

Кактусов ухаживал за Зиной с присущим ему темпераментом. Засыпал ее цветами,

коробками шикарных шоколадных конфет, все время норовил подвезти на своем роскошном авто до дома... Наконец девушка согласилась пойти с ним в ресторан. Что тут сделалось с ученым! Он бегал и скакал, как подросток, поднял все свои связи и заказал столик в одном из лучших по тем временам заведений. Его сердце было готово выскочить из груди. Евгений Григорьевич радовался, словно ребенок перед походом в «Детский мир», пребывал в нервном возбуждении, как тот же ребенок перед новогодней ночью в предвкушении того, что с утра уже можно будет посмотреть подарки под елкой. Ученый купил даже золотую цепочку, решив уже полностью добить Зинаиду.

Между тем в ресторане он натолкнулся на холодные, серьезные серо-голубые глаза. Девушка явилась в опрятном классического покроя платье, без тени косметики и не пахнувшая духами. Выглядела она совсем не так, как дамы, обычно приходившие к нему на свидание. Зинаида сразу же заговорила деловым тоном:

– Я согласилась на встречу с вами по одной простой причине. Со мной беседовало руководство по поводу вашего поведения, и меня чуть ли не обвиняют в том, что вы не можете что-то там сосчитать... Как вам не стыдно, товарищ ученый. Когда вы уже оставите меня в покое? Неужели вы думаете, что я куплюсь на ваши ухаживания, на всякие там цветы и конфеты? Однажды я уже сделала такую глупость, и сейчас у меня растет дочь, а я живу только для нее. И я не позволю вам, Евгений Григорьевич, играть моими чувствами и чувствами моего ребенка. Понятно?

– Сколько тебе лет? – оторопел от такого напора ученый.

– Двадцать восемь. Знаю, что выгляжу моложе, мне это уже говорили, но голова на плечах у меня есть, – ответила Зина, не жеманясь и не строя глазки. – Ну, а теперь я поем? Не пропадать же добру!

– Очень рациональный подход, – несколько смутился Евгений Григорьевич, считавший данный подход своей прерогативой.

Они молча приступили к трапезе.

– А если у меня чувства? – заикнулся через некоторое время ученый.

– Оставьте! Ваше чувство – физика. И любовь – тоже она.

– Но ведь может же кто-то занять почетное второе место? Я впервые в жизни этого хочу!

– Может... если вы сами решите это уравнение и введете в него второе неизвестное. Но вы вполне можете ошибиться. Я прошу отстать от меня, причины я объяснила.

– И ты решила остаться одна? Но это же нехорошо!

– Вы же один, и это нормально, – парировала Зинаида.

– Я был не прав и сейчас признаю свою ошибку. Лучше поздно, чем никогда. Как ты оказалась у нас в институте? Великая тяга к науке? – спросил ученый, помня, что говорили все вновь поступившие лаборантки.

– Что вы, конечно, нет! Я со школьной скамьи ненавидела физику, но родители настояли, чтобы я окончила физико-математический институт. А сейчас, с ребенком на руках, у меня небольшой выбор. Я готова работать кем угодно, лишь бы работать.

– А живешь ты где?

– В общежитии. Но я не жалуюсь. У нас с Фросей, так зовут мою дочь, прекрасные жилищные условия – отдельная комната. Обычно ее дают только семейной паре, так что мне повезло.

После этого вечера Евгений Григорьевич оставил Зину в покое. Некоторое время Кактусов собирался с мыслями, а когда полностью осознал, что его решение четкое,

бесповоротное и полностью осознанное, пришел к Зинаиде официально просить ее руки. Так она заняла почетное второе место в жизни гениального физика. Свадьбу сыграли в год московской Олимпиады. Фросе тогда исполнилось пять лет, а Евгению Григорьевичу пятьдесят.

Супруги прожили вместе отпущенные судьбой и богом тридцать лет. И это были самые счастливые годы в жизни обоих. Как говорили знакомые известного ученого, Кактусов нашел свою половинку с математической точностью, а по-другому и быть не могло. Сам же Евгений Григорьевич говаривал, что он всю жизнь ждал именно Зину, поэтому раньше и не женился. Зинаида ни разу не пожалела, что согласилась стать его женой. А уж лучшего отца для своей маленькой дочки она и желать не могла. Кактусов удочерил девочку, дал ей свои фамилию и отчество и всей своей дальнейшей жизнью доказал, что принял ее как родную.

Фрося любила отца с такой же самоотдачей, и когда его не стало, очень тяжело переживала потерю. Но они с мамой собрались с силами и продолжили жить дальше, но уже без сверхталантливого человека, который когда-то подставил плечо женщине с ребенком и ни разу их не предал. Фрося только после смерти отца, хотя была давно взрослой, в полной мере оценила, насколько была под его защитой. Она впервые растерялась, оказавшись лицом к лицу со всеми сложностями этого мира, и теперь, два года спустя, частенько вспоминала один разговор с отцом...

Евгений Григорьевич умирал легко и уже в почтенном возрасте, поэтому, может, и предчувствовал свою смерть. Незадолго до кончины он завел беседу на весьма щекотливую тему.

– Я ни о чем не жалею, но лучшее, что у меня было в жизни, – это твоя мать и ты.

– Папа, ты почему говоришь в прошедшем времени?

– Да так, что-то навеяло...

– Не надо даже мыслей таких!

– Фрося, я никогда не лез в то, куда не положено лезть...

– Ты о чем?

– Почему мы с мамой не дождемся никак внуков?

– Вот ты про что... – заулыбалась она, удобно усаживаясь напротив. – Ну, ладно, давай поговорим, если хочешь.

– Ты выросла очень похожей на свою мать. Тот же пытливый, умный взгляд, та же улыбка и тот же максималистский взгляд на мир, не дающий никому права на ошибку.

– Да, я похожа на нее, знаю. Но для того, чтобы родить ребенка, нужен мужчина. Надеюсь, ты это понимаешь, папа?

– Ничто человеческое мне не чуждо, – откликнулся Евгений Григорьевич, – сам грешен...

– Мама рассказывала мне о твоей бурной молодости, – засмеялась Ефросинья.

– Не вводи старика в краску! Хорошо, я поставлю вопрос по-другому. Почему ты до сих пор одна? Не нашла достойного мужчину? Но я знаю многих хороших ребят даже у нас в институте. Со многими я тебя пытался познакомить, и все мимо...

– Может, дело тогда во мне?

– Фрося, я ведь серьезно! Тридцать четыре года для женщины – уже солидный возраст.

– И это мне говоришь ты?!

– Я женился в пятьдесят, но я – мужчина, а тебе еще детишек рожать. Конечно, мужчины...

– Что? Мужчины интересуются женщинами помоложе, ты это хотел сказать?

– Ты же умная...

– Вся в тебя.

– Ты мне льстишь. Но не уводи разговор в сторону. Вопрос очень серьезный. Не нужна ли моя помощь? – поинтересовался Евгений Григорьевич.

– Отец, не смеши меня. Как ты мне можешь помочь? Кого-то насильно женишь на мне? Денег приплатишь за слегка залежалый товар?

– Фрося! Как ты можешь так говорить? Да разве ж я такое предложил бы тебе? Я имел в виду совет какой-нибудь... Помнится, у тебя был парень, Влад...

– Был.

– И что случилось?

– Первая любовь перешла в разряд любви несчастной. А в свете того, что это была первая любовь, особо ужасно слышать при ней слово «несчастливая». Так вот, не повезло, – пожала плечами Ефросинья.

Речь шла о Владиславе Светлове, с которым она вместе училась в институте. Все тогда вроде шло к тому, что дружба между ними перерастет в любовь и молодые люди создадут студенческую семью. Но потом случилось неожиданное – на последнем курсе Влад влюбился в первокурсницу Олю и женился на ней, бросив Ефросинью. Его поступок осудили все их одноклассники, но самого Влада их мнение совсем не беспокоило. Парень просто сказал бывшей подружке «прости» и исчез из ее жизни навсегда.

Сказать, что Ефросинья сильно переживала, – ничего не сказать. Она просто умирала! Похудела на двадцать килограммов, загремела в больницу, потому что не хотела ни есть, ни дышать, ни вообще существовать. Фрося всегда была умной девочкой и, видя у своей постели постаревшего отца и мать с покрасневшими глазами, понимала, что причиняет им безумную боль. Не понимала только одного – почему ей настолько не хочется жить на свете. Просто все померкло в глазах... Она сама не ожидала от себя такого самочувствия и ощущения конца света. Когда Владислав был рядом, и рядом его улыбка, его глаза, юмор, его запах, юношеский задор, казалось, что так будет всегда. Она не думала, что переживает самую настоящую любовь, и осознала это, только когда любовь закончилась.

Фрося нашла в себе силы продолжить бречное существование. Именно существование, жизнью-то ее состояние трудно назвать. На несколько лет у нее вообще выпало из понимания, что на свете есть другие мужчины, парни. Потом под напором общественности и родственников Ефросинья попыталась сходить на несколько глупых свиданий, которые закончились ничем. На том Фрося и успокоилась. Если ее спрашивали про личную жизнь, она объясняла свое одиночество как угодно, только не тем, что никто так и не заменил, не смог заменить Влада, будь он неладен. Нет, об этом Фрося говорить не хотела. Наверное, потому, что рана не застарела. И вот Евгений Григорьевич вновь задал вопрос на сокроенную тему. Только сейчас Фрося поняла, что совсем не сердится на него.

– Почему ты вспомнил про Влада? – спросила она. – Прошло четырнадцать лет.

– Вот именно, Фрося! Четырнадцать лет! Ты сама об этом думала? Целая жизнь прошла, а ты все еще не оправилась...

– Я в полном порядке, отец. С чего ты взял? Я не думаю, не вспоминаю о нем...

– Тебе так кажется. Чувство подсознательно сидит в тебе и не дает права на обретение личного счастья. Для тебя расставание с ним прошло на грани разрыва психики, что не могло не оставить следов. Я это замечал. Мама замечала. Ты же оградила себя от прошлого высоким

забором, словно он мог тебя спасти. Какая ошибка, что мы раньше не поговорили с тобой... Думали, пройдет, а оно не проходит.

– Да со мной все хорошо, отец!

– И дело даже не в том, что ты больше не доверяешь никому. Дело в том, что ты всех сравниваешь с ним, с Владом. И, конечно, все проигрывают, потому что больше никто не вызывает в тебе таких положительных и очень сильных эмоций. А ведь тут еще одна ошибка! В молодости все чувства острее, и ты зря ожидаешь таких же по силе чувств. Таких эмоций, как в юности, все равно никогда больше не будет. Ты уже взрослая женщина, посмотри вокруг! Обрати внимание на какого-нибудь доброго мужчину, ответственного и спокойного, и дай ему шанс.

Ефросинья с удивлением смотрела на отца. И вдруг ощутила, что по ее щекам текут слезы.

– Девочка моя...

– Отец! – обняла его Фрося. – Я точно не встретила такого, как ты!

– А такого и не надо. И вообще, плохо, когда мужчина чересчур сильно любит женщину, он тогда превратится в тряпку. Поэтому такого, как я, тебе не надо.

– Вот Влад меня и не любил, – хмыкнула Ефросинья.

– Опять он! – Евгений Григорьевич задумался, глядя дочь по голове. – Я помню его – высокий, стройный, симпатичный, несколько беспокойный... на контрасте с тобой. Но это было даже хорошо. На его фоне и ты как-то преображалась, глаза у тебя загорались...

– Да, отец, все так. Больше мне ни с кем не было интересно.

– И на протяжении этих четырнадцати лет ты так и не видела его? – спросил ученый.

– Ни разу. – Худые плечики Фроси вздрогнули.

– Где он? Что с ним? Ничего не знаешь?

– Специально не узнавала. – Фрося ткнулась в плечо отца.

– Я и не сомневался. Ты же у меня гордая!

– Но пару раз слышала о нем, случайно. У нас же много общих знакомых...

– Я понимаю.

– Слышала, что он женат, счастлив, живет где-то далеко от Москвы. Ну, а в том, что он, человек талантливый, наверняка очень успешен в профессии, я даже не сомневаюсь.

– Ты сегодня добрая и сентиментальная... – покосился на нее отец.

– И?

– И я воспользуюсь случаем – попрошу тебя оказать мне услугу, – хитро улыбнулся профессор Кактусов.

– Для тебя отец – все, что угодно!

– Ловлю на слове. Я хочу, чтобы ты познакомилась с одним человеком. Это мой очень хороший друг, тоже ученый...

– В женихи мне его прочишь? – подозрительно прищурилась Фрося.

– Да что ты! Вовсе нет. Он такой же старый, как я.

– Просто ты уже проделывал такие фокусы. Помнишь? «Не хочешь ли ты, дочка, пойти в театр?» – «Конечно, хочу!» – «Ой, но у меня только один билетик...» И совершенно случайно рядом со мной оказывается талантливый студент – твой аспирант. Или другой случай: мы всей семьей идем на день рождения, а потом вы с мамой внезапно куда-то исчезаете, и я весь вечер вынуждена терпеть ухаживания какого-то сомнительного типа, исходящего на комплименты и недвусмысленные намеки.

– Между прочим, это был холостой мужчина и очень богатый. И он сам изъявил желание познакомиться с тобой! Но теперь-то мне понятно, почему ты так и не обрела своего счастья. Нельзя шагнуть в будущее, не распрощавшись с прошлым. Нельзя полюбить кого-либо, если все сердце занято другой любовью. Нельзя найти второе неизвестное, не найдя первого, если выражаться языком математики...

– Эх, знать бы, как ту любовь из сердца выгнать! Тут математический расчет не поможет.

– Нет, дочка, как раз это и можно победить только разумом – выстроить логическую цепочку и постепенно выжать из сердца все, что в данный момент не нужно. А вытеснять, по закону сохранения массы, нужно не пустотой, а чем-то другим. Это уже из физики. Если речь идет о чувствах, то и заменять их следует чем-то соответствующим.

– То есть тоже чувствами?

– Да, дорогая моя, любовью. Попробуй, пусти кого-то в свое сердце, а там – кто знает...

– Ой, папа, не могу ничего обещать. Вряд ли я смогу себя изменить.

– Понимаю. Но ты подумай...

– Ладно, попытаюсь. Ну а с другом-то твоим что? – напомнила Ефросинья.

– Он мой старый друг, физик Людвиг Люцеус, поляк.

– Шутишь? – оживилась Фрося.

– С чего ты взяла?

– Да ладно! Людвиг Люцеус... Умора! Продолжение Гарри Поттера!

– Не знаю никаких Поттеров... А Людвиг – прекрасный человек. Судьба свела нас на какой-то конференции еще в советские времена, и как-то мы сразу сдружились. Потом обменивались письмами, беседовали по телефону, а позже по Интернету. В гости нам не давали ездить друг к другу – оба физики, и оба – невыездные. Но мы все равно общались. А сейчас вроде все барьеры сняты, пути открыты, но – возраст, неподъемность, инвалидность... Друг мой сильно болеет и все зовет в гости. Кстати, и тебя тоже приглашал, хотел с тобой познакомиться. Вот и прошу тебя съездить к нему, заодно передать вот эту мою работу.

Профессор Кактусов показал дочери бархатную папочку. Показал – и убрал ее на полку.

Ефросинья потом и правда завела роман с одним мужчиной, чтобы от нее отстали. Вскоре отец умер, у нее от горя началась депрессия, затянувшаяся на месяцы, и опять ей стало ни до чего и ни до кого...

Ефросинья Евгеньевна Кактусова внешне была похожа на свою маму. И по своим способностям и пристрастиям она тоже пошла в нее. Физику и математику Фрося никогда не любила и всегда испытывала чувство стыда перед отцом за то, что такая неспособная в данной области. Зато гуманитарные науки шли у Фроси на «ура», а иностранные языки стали специальностью, и после окончания института ее пригласили работать в известное издательство «Сила познания». Она много занималась литературным переводом на русский язык современной европейской прозы и поэзии. Стихи неизвестных авторов не пользовались большим спросом, книги выходили очень маленькими тиражами, поэтому и гонорары у Фроси оказывались более чем скромными. Иногда она впадала просто в плачевное состояние. Переводы порой были очень трудными, ведь требовалось донести до читателя тот смысл, что вкладывал в свои творения автор, а результат для переводчика – фактически нулевой. Фрося понимала, что она бедна «как церковная крыса», и чувствовала себя так же. Особенно ярко этот факт осознавался возле витрин дорогих бутиков, кафе и ресторанов, в современных супермаркетах, у касс театров и кинозалов.

«Единственное, что я могу себе позволить, это раз в неделю посетить «Макдоналдс» с его очень вредной пищей», – иногда с иронией думала переводчица.

Фрося старалась размышлять о чем-то возвышенном, читать «правильные» книги и смотреть «классические» фильмы. Она любила гулять с мамой по парку, кормить уток и голубей, а еще умудрялась собирать одежду для бездомных. Но как женщине Ефросинье иногда до чертиков хотелось совершить какое-нибудь безрассудство. Например, купить дорогую тряпку или даже кольцо с бриллиантом. У нее аж сердцебиение учащалось при таких мыслях. Но чем больше проходило времени, тем очевиднее становилось, что все мечты так и перейдут в разряд несбывшихся. А от книг ее уже потихоньку начинало тошнить. Мало того, что работа связана с литературой, так еще и любимое занятие – опять же книги. К тому же от постоянного чтения к своим тридцати с хвостиком Ефросинья окончательно и бесповоротно посадила зрение.

– Теперь я не «церковная мышь», а скорее кротиха, – усмехалась она, хотя хотелось плакать.

Очки с устрашающе толстыми линзами перестали спасать положение, и она при чтении и переводе фактически водила носом по листам с буквами. Стала проходить мимо знакомых людей с гордым и независимым видом и, наоборот, здороваться с незнакомыми людьми. Многие начали обижаться на Ефросинью, она-то не признавалась, что у нее проблема со зрением, чтобы мама и друзья не расстраивались. Пару раз она поздоровалась с телефонной будкой и наконец дождалась апофеоза – не разглядела приближающуюся машину и угодила под нее. Слава богу, не очень сильно пострадала – перелом и ушибы, но в больницу все же попала. Именно там, узнав причину, почему она не заметила автомобиль на трассе, обследовали ее. Вердикт молодого врача с грустными глазами был неутешительным.

– Ефросинья Евгеньевна, дело не очень хорошо.

– Да, у меня упало зрение в последнее время, – согласилась она.

– Дело не только в прогрессирующей близорукости, глаза у вас слабые с детства. Но, видимо, на них навалилась непомерная нагрузка...

– Ну да, работа у меня такая.

– У вас выявлено помутнение стекловидного тела, дегенеративные изменения в сетчатке и еще ряд...

– Непонятных слов? – нахмурилась Фрося, уже понимая непростую ситуацию. – И чем мне все это грозит?

– Боюсь, что слепотой, – виновато развел руками молодой доктор, словно именно он только что сотворил с ней это и теперь просил прощения.

– А как-то избежать можно? – дрогнула Ефросинья.

– У вас запущенный случай, а мы – обычная, бюджетная больница. У нас и оборудования, а оно очень дорогое, для такой сложной операции нет. Подобные делаются на коммерческой основе. Я знаю одну клинику, там только консультация с обследованием стоит пятьдесят тысяч, а уж за ювелирную работу на глазном яблоке возьмут ого-го какие деньги. Но шанс есть...

Настроение Фроси после разговора с врачом упало до нулевой отметки. Мало того, что ей поставили неутешительный диагноз, так еще и денег, чтобы исправить положение, нет. Откуда им взяться в семье учительницы и переводчицы? А если не прооперировать глаза сейчас, шанса на восстановление зрения фактически не останется. И что же делать?

Пока она раздумывала, как скрыть печальную информацию от мамы, чтобы та не расстроилась, Зинаида Федоровна сама пришла к ней с огромной суммой денег и сразу же пресекла ее удивление и расспросы.

– Я все знаю, дочь! Твой лечащий врач мне все рассказал! Очень даже хорошо, что ты попала в больницу и прошла обследование, как бы кощунственно мои слова ни звучали. Иначе бы мы не предотвратили эту катастрофу с глазами. Кости срастутся, ушибы заживут, а глаза тебе прооперируют в самой лучшей глазной клинике в Москве!

– Мама, но где ты взяла такую сумму?!

– Пусть тебя это не волнует...

– Нет уж, позволь! Я должна знать, откуда деньги!

– Я заняла их, – призналась мама.

– У кого?

– Какая тебе разница?

– Мама!

– У Геннадия, – гордо ответила мать. – А что? Он бизнесмен и, между прочим, до сих пор очень хорошо к тебе относится. Так и сказал: одно твое слово – и он у тебя в больнице.

Ефросинья не могла поверить своим ушам.

– Мама! Ну, зачем? Только не у него!

Дело в том, что Геннадий был тот самый мужчина, с которым Фрося предприняла слабую попытку построить отношения, откликнувшись на просьбу отца. Он был представителен, аккуратен, разведен. И красиво ухаживал. Но Ефросинья под разными предложениями все откладывала момент близости. А потом умер отец, и она порвала с Геннадием, причем с большим удовольствием. Тогда-то он и проявил себя, высказав ей все, что думал. Припомнил походы в театр и в цирк, ужины в ресторанах. У Ефросиньи возникло ощущение, что он сохранял чеки и подсчитывал общий ущерб, причиненный ею. «А ты так подло продинамила меня», – заявил он в заключение. Фрося попыталась отдать ему свою зарплату, но Геннадий отказался взять деньги. Правда, все равно упал в ее глазах очень низко.

И вот выясняется, что именно у него мама заняла полмиллиона ей на операцию. У Фроси снова появилось неприятное чувство сосания под ложечкой.

– Мама, он же теперь все соки из нас выпьет! Мне же покоя от него не будет!

– Успокойся, тебе нельзя волноваться. Я написала расписку, что верну деньги через три месяца. Геннадий был очень любезен и согласился дать нужную сумму без процентов. Думаю, что ты ему все еще нравишься. И, заметь, в нашем письменном договоре не было пункта, что в обмен на деньги он снова может начать домогаться тебя... Пойми, Фрося, не в нашем положении диктовать условия. Человек он богатый, кроме того, знает, что мы порядочные люди и вернем долг, поэтому доверился нам. Глупо было бы такой возможностью не воспользоваться. Пойми, Фрося, если брать кредит в банке, то ведь отдавать придется совсем другую сумму, гораздо большую. Где мы возьмем столько?

– Мама, а где мы возьмем пятьсот тысяч рублей даже без процентов?!

– Придумаем что-нибудь. Сейчас главное – спасение твоего зрения. Найдешь подработку какую... А слепая ты точно ничего не вернешь, – здраво рассуждала родительница.

В общем, как дочка ни возражала, но Зинаида Федоровна настояла на своем, и операция была сделана.

Самое интересное началось потом. Две недели Фрося вообще ничего не видела из-за повязки на глазах. Ужасное время! А Фрося еще жаловалась, что ей надоело чтение... Какая же она была глупая! Две недели темноты показались страшно долгими, за этот период пациентка набила себе кучу синяков и шишек, стучаясь обо все углы, мебель и стены и просто падая.

А потом повязку сняли, мгновенно ослепив ее светом и четкостью изображения. Зрение стало много лучше, хотя, чтобы видеть сто процентов окружающего, все равно требовались очки. Правда, уже не с такими сильными линзами. Фрося была несказанно рада, что наконец-то сняли бинты, мир для нее открывался как бы заново. Однако слова офтальмолога озадачили.

– Операция прошла успешно, но, чтобы закрепить результат, необходимо соблюдать определенные условия. И строго выполнять в послеоперационный период все предписания, – подчеркнул врач. – Два месяца вашим глазам нужен абсолютный покой. Именно абсолютный! То есть нельзя читать, писать, смотреть телевизор. Нельзя поднимать ничего тяжелого, нельзя пользоваться косметикой. Никакой нагрузки на глаза. Понимаю ваш недоуменный взгляд. Мол, а что же можно? Отвечаю: прогулки на свежем воздухе и... тупое созерцание потолка. И так, повторяю, два месяца, не меньше. Надеюсь на вашу осмотрительность, ведь лучше потерпеть некоторое время, чем свести всю работу хирурга на нет.

– Ясно, – кивнула Фрося.

А сама судорожно соображала: как же она сможет вести такой образ жизни в течение двух месяцев, если ей, наоборот, нужно усиленно работать, чтобы отдать огромный долг малоприятному Геннадию?

Пребывая буквально в прострации, она вернулась домой к маме, встретившей дочь с распростертыми объятиями.

Жили они в хорошей трехкомнатной квартире в центре Москвы, в старом доме с окнами на оживленную улицу и тихий уютный двор. Все соседи были либо интеллигентные старушки, либо семьи людей среднего возраста. Молодежи и детей мало, как и везде в Центральном округе столицы, где в основном сосредоточены рестораны, банки, офисы, а жилых зданий осталось немного.

В выходные дни и по вечерам вокруг было очень тихо и спокойно. У Зинаиды Федоровны и у Фроси имелось по отдельной комнате, а третью женщины превратили в гостиную. Уюта в ней добавлял электрический камин, купленный на один из Фросиных гонораров.

Почти сразу же после выписки Ефросиньи из больницы начал звонить Геннадий и недвусмысленно намекать, что, мол, не прочь посмотреть на «новые глазки Фроси», в создании которых он принял непосредственное участие.

– Вот ведь мерзавец! – возмущалась Зинаида Федоровна.

– А я говорила тебе, мама, что с ним не следует общаться. Но ты у него громадные деньги заняла, он теперь, как говорится, на коне. Такие люди ничего не делают просто по доброте душевной, обязательно требуют что-то взамен, – вздыхала Фрося.

– Пусть только попробует! Отдадим ему деньги, да и все, – оптимистично откликнулась Зинаида Федоровна. – Я уже знаю, что нам делать...

– Вот бы и мне с такой уверенностью произнести те же слова... – печалилась Ефросинья.

Середина апреля в средней полосе прекрасное время – зима уже полностью сдает свои позиции, и яркое солнце начинает прогревать землю совсем по-летнему. Природа оживает, распускаются листочки, зеленые травинки тянутся к солнышку.

В один из таких дней Зинаида Федоровна и Фрося ехали на электричке на юг от столицы. Конец недели, выходные, народа в вагоне набилось полно.

Зинаида Федоровна, хрупкая, миниатюрная женщина, всегда выглядела очень опрятно. Сейчас она была одета в скромное темное платье, телесного цвета колготки, ботиночки на шнуровке без каблуков и плащ серого цвета с крупными, в тон, пуговицами. «Как давно мама носит этот плащ? Сколько я ее помню, она всегда по весне и по осени в нем. Как же она аккуратна к вещам, плащ словно новый, ни пятнышка, ни зацепочки. Только фасон старомодный», – подумала Фрося, глядя на родительницу.

Сама она надела плотные темные брюки и удлиненную фисташковую куртку с поясом, удобную обувь, и так же, как у мамы, шейный шелковый платочек. Кстати, платочки приучила ее носить именно мама. А еще Зинаида Федоровна научила дочь идеальной осанке и держать голову гордо поднятой. Кактусова-старшая всегда подчеркивала, что женщина обязана так себя ощущать, словно находится в корсете, непременно должна не вниз смотреть, словно виновата в чем-то, а глядеть людям в глаза. А также мама напоминала, что выражение лица должно быть доброжелательным, разговор надо вести спокойно, дабы речь была связной, а флирт неуместен.

Ефросинья всю жизнь следовала этим советам и слыла среди сокурсников, а позже среди коллег «синим чулком», «старомодной теткой», «девушкой девятнадцатого века», «замшелой интеллигенткой с нафталиновым душком» и «пыльной молью». И еще много как ее называли, но все на одну тематику – мол, она не от мира сего.

Народ в электричке ехал очень разный, в основном пенсионеры, дети и выпивающие мужики. Все остальные, нормальные люди, конечно, предпочитали ездить на дачу на своих машинах. Пара громко разговаривающих молодых мужчин, сидевших невдалеке, распивали уже по третьей бутылке пива. Один из них сконцентрировал свой взгляд на Фросе и стал ей подмигивать. Она отвернулась к окну.

– Так странно... Я вот сейчас подумала... – обратилась к дочери Зинаида.

– О чем, мама?

– О том, что ты совсем еще молодая, а без косметики – просто девочка. А ведь одета ты, как я, то есть как бабушка. Брюки, куртка... Ничего яркого, ничего сексуального, как говорит молодежь.

– Мама, слово «сексуальное» ты сказала впервые в жизни! – удивленно ответила Фрося.

– И я о том же. Моя ошибка, и, похоже, существенная. Ты должна быть другой... Почему только сейчас я это поняла? Зачем навязала тебе скромный стиль а-ля сельская учительница? Все по театрам да выставкам водила...

– Так спасибо большое за это.

– Не за что. Кому нужны твоя скромность и порядочность? Надо было пускать тебя к подругам и на дискотеки, тогда бы и жизнь у тебя была иная.

– Я не жалею, мама.

– Интересней твоя жизнь была бы! Ярче! Эх, Фрося, я очень-очень виновата. Подобное

случается с женщинами, которые выходят замуж за мужчин много старше себя, они тоже становятся серьезнее, строже, взрослее. И тебя я воспитывала в таких же рамках. А не надо было! А еще это вечное давление, что муж – личность известная... И вот – результат. Я-то прожила свою жизнь как хотела, это был мой выбор, а расплачиваешься – ты, – с горечью произнесла Зинаида Федоровна.

– Да все нормально, мама. – Фрося попыталась успокоить ее, хотя и сама расстроилась. Неужели она и на окружающих производит такое же удручающее впечатление?

И тут же увидела, что пьяный мужик откровенно облизывает горлышко бутылки и бросает в ее сторону недвусмысленные взгляды.

– Мама, давай перейдем в другой вагон, – шепнула Ефросинья.

Но в тот же момент над ней нависла человекообразная обезьяна, пропахшая табаком и перегаром. По всей вероятности, пивом мужики заглушали вчерашний перепой, да уже с утра выкурили пачку сигарет, поэтому амбре от нетрезвого гражданина исходило в буквальном смысле потрясающее.

– Ну что, красивая, – игриво обратился к ней по виду совершеннейший бандит. – «Поехали кататься»?

– Не трогайте меня, – едва прошелестела Ефросинья.

– А ты у нас недотрога? – обхватил лапищами и прижал ее к себе пьяница.

– Что вам угодно?

– Пойдем, потискаемся в тамбуре! – загоготал он на весь вагон.

Пассажиры притихли, многие сделали вид, что увлечены пейзажем за окном. Женщины закрывали своим детям глаза.

– Отстаньте от моей дочери, идите на свое место, – попросила Зинаида Федоровна.

– Заткнись, старая гримза! Ну-ка, красотка, открой ротик, я налью тебе пивка, – продолжал изгаляться нетрезвый тип.

– Люди! Помогите кто-нибудь! – воскликнула всего лишь одна пожилая женщина в вагоне. – Мужчины! Ну, хоть кто-нибудь! Что же творится-то? Помогите девушке!

– Я прошу вас удалиться, – все еще вежливо сказала наглецу Зинаида Федоровна.

– Тебе, старая, жить надоело? Вот сейчас «пером» почешу шкурку-то, будешь знать, как встревать! – налитыми кровью глазами посмотрел на Кактусову-старшую второй из алкоголиков и вдруг заикался, подавившись собственной слюной.

Прямо на него смотрел черный и страшный пистолет. Его друг, увидев замешательство своего подельника, перехватил его взгляд и тоже оторопел.

– Ты чего это, бабка? Ты чего...

Зинаида Федоровна прищурилась, крепко сжимая рукоятку оружия.

– А ну-ка отвали, мразь, от моей дочери!

– Да ты что, бабуся? – снова повторил, как заезженная пластинка, мужик. – Неужто стрелять будешь?

– А ты хочешь проверить? – не меняя тона и взгляда, спросила Зинаида Федоровна.

– Мама! – ахнула Ефросинья.

Бандиты медленно отпустили ее и отступили к дверям. Вместе с ними отступил и неприятный запах.

– Вон отсюда! – прикрикнула на пьяниц Кактусова-старшая.

Мужики, тихо матерясь, вышли из вагона расстроенные, что с ними справилась старушка. Пассажиры вздохнули спокойно, и кто-то выкрикнул:

– Молодец, женщина! Браво!

Ефросинья вытерла лоб.

– Ну, ты даешь... Откуда у тебя оружие?

– Какая разница? Не заостряй внимание. И так все смотрят...

– Мама!

– Ну, отцовский это пистолет. И что? Думаешь, я телевизор не смотрю, ничего не вижу и не слышу? Кругом одни бандиты! А мы с тобой две беззащитные женщины без своего транспорта в Подмоскowie... Вот я его и прихватила. И, как видишь, не зря.

– Однако, ты удивила меня, мама.

– Знаю. Но я всегда готова прийти тебе на помощь. А ты учись!

– Мам, но ты особо-то пистолетом не размахивай. У тебя же нет разрешения на оружие.

– Зато у моего покойного мужа оно было! Раньше он меня защищал, а теперь я буду защищаться его оружием. И своего ребенка никому в обиду не дам!

Когда женщины покидали электричку, несколько пассажиров зааплодировали.

На перроне Фрося все время оглядывалась. Она успела сильно испугаться в электричке и теперь опасалась, как бы те двое мужиков, налитых пивом под самую завязку, не вышли за ними, чтобы отомстить. Но по платформе шли обычные люди с сумками на колесах, рюкзаками и корзинками.

Через десять минут мать и дочь подошли к своей даче. Это был маленький, деревянный и даже слегка покосившийся домик с верандой и незакрывающимися ставнями. Евгений Григорьевич был гениальным физиком и при этом совершенно не приспособленным в быту человеком, не умевшим вести хозяйство. По дому он не делал ровным счетом ничего. Поэтому их милая дачка готова была уже развалиться на запчасти. Вокруг дома на десяти сотках буйно разрослись все растения из учебника ботаники – все, кроме плодоносных.

– Давно мы здесь не были... – вздохнула Фрося.

– У меня возник план продать дачу, – наконец-то выдала цель путешествия Зинаида Федоровна.

– Продать нашу дачу? – эхом откликнулась удивленная Ефросинья.

– Да, именно. Ну, сама подумай, зачем она нам. Машины у нас нет, да и тебе с твоим зрением за руль нельзя садиться. Вот так ездить на электричках? Нарываться на откровенное хамство?

– Не очень-то хотелось бы...

– Вот-вот! Сегодняшний случай – тому подтверждение. Словно знак. И потом, посмотри на дом. Он же не сегодня завтра рухнет. И останемся мы с тобой совсем ни с чем. Для такого участка и дома мужские руки нужны. А у меня, да и, кажется, у тебя тоже таких рук не предвидится. К тому же нам деньги понадобились. Самое главное в жизни – здоровье, ради него не жалко потратиться. Продадим участок и вернем долг. Ты вылечишься и не будешь должна Геннадию. Он в самом деле нехороший тип. Для чего нам дача? Совершенно ни к чему! – продолжала убеждать дочь и заодно себя Зинаида Федоровна. – Правда, за нее много не дадут, я узнавала. Цены резко упали, когда рядом проложили трассу. К тому же дом сносить надо, строить новый, специалисты сразу это поймут. Да и я обманывать не буду, не могу я так. А земля у нас запущенная...

– Но ведь жалко, мама!

– Жалко у пчелки!

– Раньше ты так нелитературно не выражалась, – отметила Ефросинья.

– Времена изменились, и я изменилась. И тебе советую. Если повезет, полтора миллиона получим. Пятьсот тысяч отдадим противному Геннадию, а нам целый миллион останется. Можем купить что-нибудь...

– Сдаюсь! Я смотрю, ты уже все решила, – подняла руки Фрося.

– Поверь мне, другого выхода нет. Я понимаю, что на этой даче прошло твоё детство, что у тебя с ней связано много воспоминаний, но так будет лучше.

– Да, вот здесь вот мы с отцом вешали гамак, и он мне читал сказки весь вечер напролет... А тут мы разводили костер и жарили шашлыки...

– Конечно, я все помню, Фрося! Счастливые времена были. Но надо двигаться дальше, и с чем-то, учитывая сложившиеся обстоятельства, придется расстаться. Будь уверена, Фрося, твой отец поступил бы именно так. Лично я убеждена, что он сейчас смотрит на нас и говорит: «Продавайте к чертовой матери этот дом, лишь бы вам на пользу пошло!»

Женщины поднялись по скрипящим ступенькам крыльца, открыли дверь и зашли внутрь. Пахнуло затхлостью. Такой запах появляется всегда, когда в помещении долго никто не обитает.

– У нас и замок-то не очень надежный. Хорошо еще, что вовремя вошли в состав товарищества, где охрана поставлена неплохо, хоть краж нет. – Зинаида Федоровна смахнула паутину.

– Зачем мы сюда приехали? Попрощаться? – спросила Фрося.

– Можно и так сказать... Да и кое-какие вещи здесь остались, посмотреть надо, может, что возьмем. – Зинаида Федоровна отправилась в дальнюю комнату, служившую раньше спальней.

А Ефросинья прошла в самую большую комнату, гостиную, и осмотрелась. Ее охватили очень разные чувства. С одной стороны, сердце сжималось от воспоминаний о времени детства, с другой стороны, все здесь казалось уже чужим, жизнь в поселке стала совершенно другой. Соседи, две семьи, с которыми Кактусовы жили душа в душу, дружили и ели шашлыки под гитару и душевные разговоры, давно продали свои участки. Что ж, все понятно. Кому-то понадобились деньги на учебу детей, другая семья захотела улучшить жилищные условия в городе. Их землю купили богатые люди, сровняли дома с землей и отстроили огромные коттеджи из кирпича, отчего в окнах домика Кактусовых померк свет. И стало совсем неинтересно приезжать сюда – ни вида, ни приятного общества...

Глаза Фроси остановились на деревянных полках, где лежали книги и кое-какие вещи, в основном принадлежавшие отцу.

– Ну, что тут? – заглянула к ней Зинаида Федоровна.

– Мама, мы заберем все папины вещи!

– Как скажешь... Конечно, заберем все, что наше личное. А мебель старая и абсолютно не пригодная в городе. Пусть новые хозяева разбираются и с домом, и со всем этим хламом.

Ефросинья взяла из дальнего угла полки запыленную бархатистую папку и сдула с нее пыль.

– Апчхи! – отреагировала Зинаида Федоровна.

Фрося раскрыла папку и увидела один-единственный листок формата А4, слегка пожелтевший, покрытый столбиками цифр.

– Что там такое? – привстала на цыпочки Зинаида Федоровна и попыталась заглянуть через плечо дочери.

– Если бы я хоть что-то в этом понимала... – ответила Фрося. – Эх, надо было идти по стопам отца в просторы математики и физики. Здесь сплошные формулы...

Зинаида Федоровна взяла папку в руки.

– Хм, странно... Боже, какое количество цифр!

– Но отец ведь часто делал расчеты. Ты разве никогда не видела?

– Видела, конечно. И сейчас выгребла кучу записок и бумаг с расчетами из-под его рабочего стола.

– Что ж тогда странного?

– На черновиках он действительно просто вел вычисления, но довольно небрежно, вкривь и вкось. А листы, переписанные начисто, всегда содержали записи и цифры, то есть в них были и расчеты, и пояснения. Здесь же выведены очень аккуратно только цифры. Работа явно не черновая, но почему-то в ней ни одного слова. И это очень странно. Ну да ладно, возьми и папку с собой.

– Мам, я вспомнила! Отец два года назад просил меня съездить в Польшу к своему другу с очень забавным именем...

– Не Людвиг Люцеус? – спросила Зинаида Федоровна.

– Точно! Я еще смеялась, вспомнила Гарри Поттера, а отец оборвал меня.

– Да, был у мужа такой друг. И что? Евгений просил тебя поехать к нему в гости? Одну?

– Тоже странно? На отца не похоже...

– Почему сам не поехал? Ну, взял бы тебя с собой... – Зинаида Федоровна задумалась.

– Папа вскоре после того разговора умер. Наверное, уже чувствовал себя хуже... Но он настаивал, чтобы я обязательно поехала, вроде как развеялась...

– И все?

– Ну и должна была отвезти его другу вот эту самую папку.

– Вот оно как! – покачала головой Зинаида Федоровна. – Значит, в ней что-то важное. Или важное для Людвига.

– Нехорошо получилось – я совершенно забыла о просьбе отца. Но надеюсь, бумажка все-таки не очень важная, раз и отец не сильно настаивал, и тот поляк до сих пор не объявился, – поправила челку Фрося, кладя папку в свою сумку.

Женщины собрали нужные им вещи в коробки и найденные мешки, а затем покинули дачу. Зинаида Федоровна пообещала вернуться сюда с мужем своей хорошей знакомой и увезти весь багаж на его машине.

А дома Ефросинья прочла на автоответчике сообщение от редактора издательства, где она занималась переводами. Семен Сухов просил ее приехать к нему для беседы, причем как можно скорее.

Фрося Кактусова относилась к тому типу людей, которые, услышав, что их ждут для беседы, на сто процентов уверены: разговор пойдет отнюдь не о повышении зарплаты. Было очень любопытно выяснить причину вызова, но Ефросинья сдержалась, не стала звонить Сухову вечером. Промучилась неизвестностью всю ночь, а с утра поехала в редакцию.

– Только не вздумай брать перевод! Ты не забыла? Твоим глазам требуются два месяца покоя, а деньги у нас есть! – крикнула ей вслед Зинаида Федоровна.

Господин Сухов был мужчиной лет шестидесяти, но отчаянно, просто до смешного, молодящимся. Он красил волосы и одевался в молодежного стиля нелепейше сидящие на нем вещи. Более того, по странной осанке редактора сотрудники издательства предполагали даже, что Семен Игоревич носит утягивающий корсет. Ездил сей стареющий мачо исключительно на спортивных машинах и очень часто тусил в клубах для молодежи. При этом человеком был вообще порядочным, в том, что касалось бизнеса, хватким и вполне доброжелательным, когда дело касалось разговоров и общения с ним.

Издательство располагалось в большом старом доме, рядом находился сквер со скамеечками. Вот на одной из таких скамеечек Ефросинью и ждал Семен Игоревич в модно рваных джинсах, красных кроссовках, ярко-оранжевой куртке и бейсболке с большим козырьком.

– Будете ругаться, что на больничный ушла? – предположила Фрося, присаживаясь рядом.

– Буду ругаться на нашу жизнь. А на тебя, на мою исполнительную и верную сотрудницу, – никогда. На таких, как ты, редакция и держится, – бодро заявил босс.

Но Фросе сразу бросилось в глаза, что выглядит он весьма удрученным.

– Спасибо, шеф... Что-то случилось?

– Понимаешь, дела у нас идут хуже некуда. Дело в том, что издательство теряет огромные деньги. Народ перестал покупать бумажные книги! Да и зачем, действительно? Печатная продукция – прошлый век. Сейчас в Интернете качай бесплатно, что хочешь. А книгу выпустить – стоит труда и, соответственно, денег. Кому хочется выбрасывать денежки, если нужно можно взять бесплатно? Правильно, никому. Да и куда потом ставить книги? Шкафы не резиновые. А электронный вариант места не занимает, если больше не нужен, его и стереть можно. Далее. Целая когорта читателей – студенты – вообще выпала из числа наших покупателей, то есть вся молодежь. А старушкам во время кризиса тоже неохота тратиться на книги. Однако снижать цену я не могу, тогда работа наша станет нерентабельной. Короче, я понял, что мы разоряемся... Совсем беда!

Ефросинье было искренне жаль Семёна Игоревича, но от нее-то ничего не зависело. И помочь ему она ничем не может.

– А авторы? – продолжал редактор. – Целая плеяда литераторов останется без средств к существованию, на улице, можно сказать. Они же не будут писать бесплатно? А больше ничего эти люди не умеют. И я чувствую за них свою ответственность, несмотря на то, что все мое дело идет под слом, просто сыплется сквозь пальцы, как песок. Тиражи! Где тиражи? Рушится дело! Рушится жизнь!

– Но литература-то жива, книга – вечная ценность, – не сдавалась Ефросинья, если и не

фонтанируя оптимизмом, то хотя бы просто капая им на раны издателя.

– Какие книги выпускать? Только учебники да тетрадки будут нужны. Но это заказ эксклюзивный, кому попало его не отдадут. Будут еще печатать худо-бедно известных и раскрученных писателей, в которых уже вложены рекламные деньги. Потому что сейчас вкладывать в раскрутку нового автора – все равно что подписать себе смертный приговор. Реклама-то дорожает! То есть потратишь на раскрутку деньги, а не получишь ничего. Тупиковый путь.

– Но надо же как-то бороться с пиратством! Невозможно же так! Это ведь воровство! – возмутилась переводчица.

– Если фермер вырастит овощи, а кто-то приедет ночью и вывезет все с поля, то воришкам будет грозить до пяти лет тюрьмы. Но если автор написал книгу, а ее спокойно скачивают, не заплатив ему ни копейки, получается, что воровства нет? Но писатель ведь тоже трудился! Какая разница – физически или духовно? То есть, если фермер сохранил свои овощи, то он продаст каждый огурчик и каждый помидорчик за цену, которую назначит сам. А литератор, значит, уже не может достойно продать результаты своего труда? – спросил с видом растерянного подростка Семен Игоревич почему-то у Фроси.

– Я не знаю... В чем суть? Надо было быть фермером, а не писателем? Боюсь, что это люди с разным устройством высшей нервной деятельности, и из писателя не получится хороший фермер, да и наоборот тоже. А за труд каждый должен получать достойные деньги. С сайтами, с которых идет бесплатное скачивание, надо вести такую же беспощадную борьбу, как и с теми, кто ворует на полях и огородах! С тех, кто скачивает, надо брать приличный штраф, а организаторам, извините, пять лет тюрьмы. Как за огурцы! – разгорячилась Ефросинья.

Она как человек творческий и состоящий в дружеских отношениях с некоторыми писателями очень чутко отреагировала на их проблему. Вошла в положение, эмоционально прочувствовала.

– Эх, тебе бы в Государственную думу с таким предложением! Боюсь, что очень не скоро у нас начнутся какие-то изменения в законодательстве в интересах пишущих людей... Потому что у нас в правительстве литературным трудом не грешат. Там в основном дядьки, по партийной линии выдвинутые неизвестно кем и неизвестно для чего, да еще... гимнастки. Ну да, это же круче, чем роман сочинить... – Семен Игоревич вздохнул. – Кто обратит внимание на писательскую братию? О врачах и учителях еще думают для приличия, а о литературе...

Он достал сигарету и закурил, не предлагая Фросе, так как знал, что та не курит.

– Ты ведь работаешь у нас лет десять? – покосился он на собеседницу.

– Одиннадцать, – подсчитала она в уме.

– Вот! И все ведь копейки получала...

– Семен Игоревич, я не жаловалась. Только сейчас вы к чему ведете? Не хотелось бы, чтобы гонорары уж совсем уменьшились... – скромно потупила Фрося глаза.

– Я бы очень не хотел терять сотрудников, но все же придется уменьшить выплаты. По объективным причинам! Особенно не хотелось бы лишиться таких старых, в хорошем смысле этого слова, сотрудников, как ты. Я сейчас в шоке, однако он пройдет, и в голову придут рациональные решения, но пока...

– А если усилить юридическую службу, чтобы отслеживать пиратские сайты? – гнула свою линию Ефросинья, переставшая наслаждаться свежим воздухом сквера, как только босс

закурил. Правда, ее сейчас одолевали очень противоречивые мысли: с одной стороны, сама она не баловалась сигаретами, и ее раздражал запах табачного дыма, но с другой стороны, ей нравился вид курящего мужчины, и она всегда разрешала курить в своем присутствии.

– Фрося, это невозможно. Сайтов много, зарегистрированы они за границей. Наши законы на них не действуют. Вот если бы ужесточилось законодательство, или появилось нечто такое, с помощью чего можно было бы быстро вычислить пиратов и ликвидировать...

– Да, дела... – вздохнула Фрося, растеряв все аргументы.

У редактора даже лицо осунулось, и как-то сразу стал заметен его возраст. Молодежный головной убор по контрасту только подчеркивал это.

– Я уж чуть было не решил распустить издательство.

– Даже так? Настолько все серьезно? – ойкнула Кактусова.

– Не жаловался бы, если бы все не было так плохо. У нас тиражи по десять тысяч держатся только у Розы Савельевой. Но если ее книг не станет – все, мы банкроты.

Ефросинья внимательно слушала Сухова и понимала, о ком тот говорит.

Роза Савельева была сочинительницей женских романов в стиле «ню». Она активно издавалась в издательстве Семена Игоревича и писала просто откровенную эротику. Ефросинья пару раз пыталась прочитать ее книги, полные необузданного, ничем не прикрытого секса, и пришла в ужас. Она даже в одиночестве краснела до ушей от видов, разворачивавшихся в ее сознании благодаря перу Розы. Фрося поняла, что это не ее литература. Но у Розы было очень много поклонников. Она писала о потрясающе красивых и страстных женщинах с большой грудью и осиной талией, с необычного цвета глазами при метровых ресницах и с призывно пухлыми губами, а завершала образ героинь копна золотых волос. Ее мужчины, то есть героини-любовники с потрясающими физическими данными и небывалой потенцией, явно из мира сказок, тоже потрясали воображение.

Многие почитатели бесстыдных романов Розы Савельевой почему-то решили, что автор пишет все с себя и со своей жизни. Им было невдомек, что на самом деле писательница – шестидесятипятилетняя женщина, похожая на гриб сморчок. Безумно несчастная и одинокая в личном плане, она еще содержала сорокапятилетнюю дочь-инвалида Клаву, которая страдала серьезным психическим заболеванием. Наверное, эта женщина сильно фантазировала всю жизнь из-за отсутствия собственного опыта красивой эротики и вот теперь воплощала свои фантазии в откровенных романах. Ее личность от читателей прятали, Савельева и сама не шла на контакт, а вот книги явно пользовались спросом.

– Она не уйдет. Зачем? Роза ведь у вас ведущий автор, – сказала Фрося.

– Уже нет, – вздохнул издатель.

– В смысле? – не поняла Ефросинья.

– Розы Савельевой больше нет, а это сродни краху! – обхватил голову руками Семен Игоревич.

– Как нет? Она ушла? – удивилась переводчица. – Ее кто-то переманил? Столько лет вместе! Такого просто не может быть!

– Фрося, она сошла с ума. Не смотри на меня так! Сам недавно узнал, буквально только что... Савельева в психиатрической лечебнице.

Большие глаза Кактусовой стали еще больше от удивления.

– Как? Что, совсем сошла?

– Ну, а как ты думала? Она даже не узнает никого. Только это между нами, иначе нам совсем канты! Если кто-то узнает, что наша ведущая писательница того... то есть тью-тью...

нам крышка.

– Конечно, я никому не скажу, – заверила издателя Ефросинья. – Постойте, вы ведь только что говорили, что если с Розой что-то случится, то нам полный крах. Откуда же «если», раз с ней уже случилось непоправимое?

– Молодец, ухватила главное. Вот поэтому я тебя и вызвал. Только сразу не отказывайся! – Семен Игоревич опустил голову.

– Не отказываться от чего?

– Я же издатель, и у меня журналистский опыт за плечами. То есть я профессионал своего дела, вот только бизнесмен из меня неважный получился. Я читал твои статьи, Фрося, и твои переводы, и могу сделать соответствующий вывод. Так вот, ты сама могла бы писать. Да, да, в тебе есть писательская жилка, поверь мне!

– Во мне? – искренне удивилась Кактусова.

– Речь именно о тебе! Мало того, ты способна почувствовать другого автора, то, что он хотел сказать читателям. Ты словно залезаешь в его «шкуру», в его мир, в его душу. Именно поэтому ты являешься одним из лучших моих переводчиков. Ты максимально близко передаешь мысли прозаика или поэта, изъясняющегося на другом языке, и доносишь их до нашего читателя.

– Спасибо, очень приятно, что так высоко оценили мои профессиональные возможности, – зарделась Ефросинья.

– Короче! Я прошу тебя спасти нас от разорения, а сотрудников от увольнения. Сразу же скажу, чего хочу: ты должна писать за Розу.

Холодный и очень неприятный ветер пробежался по ногам Фроси в тонких колготках.

– Я ослышалась?

– Боюсь, что нет.

– Я – писать? Я же никогда ничего своего не писала!

– Смотри пункт первый. Говорю же: у тебя талант.

– Но как же можно писать за другого человека? – поинтересовалась Фрося.

– Легко. Тем более что это вынужденная мера.

– Но Роза...

– Роза ничего не поймет, она совсем неадекватна. А все ее непростые отношения с алкоголем! Я ее предупреждал, но она разве будет слушать! Звезда, мать твою... – Семен Игоревич сплюнул.

– Все равно как-то нехорошо...

– Я понимаю, Фрося. Но разве это не во благо? Люди продолжают работать на своих местах, их дети не останутся голодными. Главное, чтобы никто ничего не знал... Не отказывайся, Фрося, подумай!

– Мне сложно даже представить... я совсем не ожидала...

– Фрося, послушай меня! Ведь я – твой босс! Хочешь, я покажу тебе Клаву, дочь Розы? Она просто «овощ» и будет помещена в психиатрическую лечебницу вместе с мамой. Там ее привяжут к кровати – и человека уже нет. Потому что, если оставить великовозрастную дочурку Савельевой дома, в той обстановке, к которой она привыкла, то необходимо тратить семьдесят тысяч рублей в месяц. Именно столько уходит на оплату услуг двух профессиональных сиделок, чтобы дочка Розы жила в человеческих условиях.

Ефросинья все еще не могла собраться с мыслями.

– Только ты можешь нам помочь! – не прекращал напора издатель. – Ну, пойми ты, имя-

то раскрученное, люди, как покупали, так и будут покупать романы Савельевой. И мы на них продержимся. Ей-то уже все равно! Говорю, в дурдоме наша звезда эротического жанра. А ты всем людям сделаешь только хорошо.

– Да поняла я уж... Только вдруг я не справлюсь?

– Ты должна попробовать. Я бы и тебя лично, под твоим собственным именем, попросил написать пару романов, но не сейчас...

– Ясно, на раскрутку-то денег нет.

– Ты умница, – легко коснулся ее коленки издатель. Фрося вздрогнула, и мужчина усмехнулся: – Ну, ты точно Кактусова, буквально одно целое с твоей фамилией! Чего ты такая колючая?

– Извините.

– Да ладно, я не собираюсь к тебе приставать. Я просто очень прошу попробовать.

– Но она же пишет... всякую хрень! Упс...

– Фрося! От тебя не ожидал! – хохотнул Семен Игоревич. – Ты ведь интеллигентная женщина!

– Вот именно! Как же мне такое копировать? Там же сплошной разврат! Я читать не смогла, а вы предлагаете писать!

– Для этого ты должна пересилить себя и прочитать очень внимательно пару книг Розы, буквально переснять их. Отпечатать в мозгу стиль речи, обороты, словечки, степень откровенности. Это почти перевод... Ты сможешь, я уверен. Ради всех нас!

– О боже... Ну, хорошо, – вздохнула Фрося. – Я попробую.

– Знаешь, а для того, чтобы тебе лучше пробовалось, я скажу одну вещь... – Семен Игоревич наклонился к уху переводчицы и что-то прошептал.

– Что-что?

– Гонорар Савельевой. И почти все пойдет тебе, за вычетом на няnek дочки Розы, налоги и кое на что еще.

Глаза Фроси стали абсолютно круглыми...

– Ничего себе...

– Я же тебе говорю – игра стоит свеч! Савельева звезда в своем жанре и зарабатывает соответственно. Так что старайся, девочка, старайся!

– Семен Игоревич, но я не смогу быстро. Мне же сейчас нагрузку на глаза давать совсем нельзя.

– Да? А хочешь, под диктовку будешь работать? Для начала я попрошу секретаря наговорить для тебя книги Розы, и ты не будешь читать, ты прослушаешь их?

– Я согласна...

– И самое главное: я выпишу тебе аванс. Так всегда делали для Розы. Это – чтобы никто ничего не заподозрил, чтобы все думали, что Роза продолжает творить, – снова похлопал ее по коленке издатель. И сразу убрал руку.

Ефросинья стояла на перроне вокзала и пыталась не расплакаться. Она приняла непростое для себя решение – исполнить последнюю просьбу отца, хоть и с опозданием. И сейчас отправлялась в польский город Краков к его другу с теми записями, что отец хотел передать ему. Адрес она нашла там же в папке. А после получения аванса у нее появились и средства для поездки.

Зинаида Федоровна сначала не хотела отпускать дочь одну, но потом взяла себя в руки.

– Ты уже большая девочка! Конечно, поезжай. Отдохни, развейся. Заодно, может, что изменится в твоей жизни, все-таки в первый раз за границу. Ты у меня умная, язык знаешь, не пропадешь. Должна ты уже зажить самостоятельной жизнью, оторваться от семьи. Мы с отцом виноваты – сделали из тебя домоседку. А все потому, что очень уж любили и все как-то не отпускали от себя. Я очень рада, что ты развеешься, что у тебя появилась возможность получить новые впечатления, – напутствовала Фросю в дорогу Зинаида Федоровна.

Ефросинья действительно никогда никуда не уезжала и сейчас пребывала в сильном волнении. Для нее был в диковинку и в новинку даже запах дороги. Специфический запах дороги, дальних странствий и путешествий, с таким налетом романтизма.

У нее проверили билет и попросили пройти в купе, которое показалось очень тесным и неудобным. Только тут Фрося подумала: а с кем же она поедет до Польши? И, увидев молодую пару, расслабилась.

– Здравствуйте. Я – Таня, а это Игорь. Мы молодожены! – сообщила миниатюрная блондинка с трогательными веснушками на щеках.

– Фрося... – несколько растерявшись, представилась Ефросинья.

Она моментально почувствовала себя не в своей тарелке. Еще бы, люди отправляются в свое самое важное в жизни свадебное путешествие! Вот для кого оно в самом деле романтическое! Конечно, им наверняка хотелось бы побыть вдвоем, а тут рядом посторонняя тетка...

Но молодые люди оказались очень милыми и приятными. Они сразу же включили Фросю в свой круг общения и несколько растормошили ее.

– Выпьемте с нами? За нас, за нашу свадьбу! – Игорь выставил на столик бутылку коньяка с пятью звездочками на этикетке.

– За такое дело как не выпить? – ответила совершенно не пьющая Ефросинья и присоединилась к молодежи.

У юных супругов оказалось много разных напитков – кроме коньяка, еще и шампанское, и вино, и минеральная вода, и лимонад.

– Со свадьбы осталось, – смущенно пояснила Таня.

Закуски прилагалось не так уж и много, в основном уже слегка заветренные бутерброды. Тут-то и настала очередь Ефросиньи внести свою лепту. И на небольшом столе появились котлеты, кусочки жареной курицы, сваренные вкрутую яйца, пирожки с капустой и ватрушки с творогом. А также сырокопченая колбаса, твердый сыр, шпроты, банка с оливками, огурцы, помидоры, пучки сочной зелени.

– Ого! – присвистнул Игорь, щупленький парнишка с худой шеей, трогательно торчащей из ворота клетчатой рубашки.

– Это меня мама в дорогу снарядила, как в последний путь, – пояснила Фрося. – Мне

одной всей снеди не съесть, но отказаться я не могла, иначе бы она обиделась. Поэтому приглашаю вас поучаствовать.

– Мы – с удовольствием! – с готовностью откликнулись молодожены и приступили к уничтожению припасов.

Поезд тронулся с места, Фрося проводила глазами перрон с редкими провожающими.

– Началось... – вздохнула она. – Знаете, я ведь впервые еду так далеко от дома...

– Давайте выпьем за путешествие! – предложила Таня.

– Давайте.

– За жениха!

– За невесту!

– Вкусотища! Курица так хорошо прожарена! Пирожки такие мягкие!

– За свадьбу! За родителей жениха! За родителей невесты, а то они обидятся!

Ефросинья и сама не заметила, как ее вовлекли в процесс – в празднование свадьбы. Тост следовал за тостом, рюмка опустошалась за рюмкой, котлета исчезала за помидором. Прервать застолье пришлось лишь на проверку документов.

– Вы не шумите тут, – строго посмотрела на батарею бутылок проводница. – Ишь, устроили свадьбу...

– Мы тихонько! – заверила ее молодежь. – Хотите пирожков?

– Нет уж, спасибо. Мне не велено обедать пассажиров.

– Да здесь на вагон хватит! – развел руками Игорек.

– Вот и ешьте. Рано утром разбужу – таможня и граница будет. В курсе, что провозить через границу можно только два литра вина или литр крепкого напитка на душу населения? – напомнила пассажирам проводница.

– У нас больше останется. Значит, отберут или, еще хуже, штраф заставят платить? – растерялась Танечка.

– А из этого что следует? – заговорщицки прошептал ее новоиспеченный супруг.

– Что?

– Мы всё должны выпить! Ни грамма врагу!

– Bravo! – поддержала мужа Таня.

Ефросинья к тому времени была уже абсолютно пьяна. Просто, можно сказать, в доску.

– Ребята – я пас. Мне больше не выпить! – И она качалась, и поезд качался.

– Что-то вы, Фрося, и правда неважно выглядите. Игорь, хватит ей наливать! А то еще границу не пройдет! – поддержала женщину Татьяна.

И молодежь переключилась на развлечения.

Полночи они играли в карты, нарды, шашки и в идиотскую игру с переодеванием «Что сделать этому лоту?».

А потом Фросю, что называется, вырубил. Причем – начисто. Она словно провалилась в огромную воронку, оказавшуюся кратером вулкана.

– Помогите! – кричала она оттуда. – Спасите меня!

– Сама залезла, сама и выбирайся, – ответил ей недружелюбный голос сверху.

– Кто ты? – заинтересовалась Фрося.

– Ты даже этого не понимаешь? Я бог!

– Боже! – ахнула Фрося.

– Вот именно! Пришел я по твою душу и не обнаружил ее, – вздохнул голос.

– Как же так? А ведь была! – забеспокоилась Ефросинья, ощупывая себя и стуча по

карманам, словно выколачивая из себя что-то.

– Да где она у тебя, душа-то? Ты пьяная, как свинья!

– Так получилось, прости.

– Почему я вижу столько людей, в момент своей смерти находившихся в таком вот состоянии? И в пьяном же виде предстающих передо мной? Как вам только не стыдно! Душа становится легкой и невесомой, фактически невидимой для меня, если в ней ничего нет. А в твоей ничего нет! Где любовь? Где привязанность? Ничего! Пустая ты, Фрося. Ухожу я.

– Эй! – позвала в темноту Ефросинья. Но ей ответили уже совсем другие голоса, а именно Татьяны с Игорем:

– Вставай, Фрося!

– Вы... вы видели его?

– Кого?

– Бога... он только что был здесь...

Ее кто-то резко дернул за плечи.

– Что вы несете?! Сейчас здесь будут пограничники, поднимайтесь! А то ссадят с поезда, и путешествие, едва начавшись, закончится!

Безумная тряска не прекращалась. Фрося открыла глаза и уставилась в бледные лица молодоженов.

– Вы?

– Фрося, вставайте! Уже граница!

«Господи, отчего же так трясет? Ах нет, это не поезд трясется, а у меня так голова кружится», – поняла Ефросинья, покрываясь липким потом.

По коридору сновали пассажиры, и Фросе пришлось лавировать между ними, что в ее состоянии было затруднительно. Но она успела добежать до туалета и, образно выражаясь, обняться с унитазом. Рвало ее долго и мучительно.

– Освобождаем туалеты! Немедленно пройдите в купе! Все должны быть с паспортами в купе! – кричала, стучала в дверь проводница.

– Сейчас... – простонала Ефросинья и умылась холодной водой.

Посмотрев на себя в зеркало, она ужаснулась еще раз. Бледно-зеленая кожа, осунувшееся лицо с впалыми щеками, тени под глазами, безумный взгляд и торчащие дыбом волосы. Хуже этого своего отражения она еще ничего и никогда не видела.

«Хорошо, мамы рядом нет... Стоило отъехать от дома, и сразу же так напилась! Какое позорище! Переводчица, называется... Языком еле ворочаю!»

Фросю тошнило снова и снова. Наконец, сильно шатаясь, она все же вернулась в купе. И как раз вовремя – строгий пограничник в форме уже ставил печати в паспорта молодоженов.

– А вот и наша соседка! – обрадовались ребята.

Фрося успела посмотреть в глаза белорусского пограничника, сунуть ему в руку паспорт, но тут же схватилась за рот и снова понеслась в туалет. Когда она вернулась, пограничник все еще ее ждал.

– Гражданка Кактусова!

– Я...

– Вам плохо?

– Очень.

– Я не могу пропустить вас за границу с заболеванием.

– У меня нет никакой инфекции, – покраснела Фрося. – Понимаете, вообще-то я совсем

не пью, а тут вот выпила за свадьбу моих попутчиков. Да еще укачало в поезде... Извините меня.

– Так вы просто с перепоя?

– Угу...

– Выглядите неважно, уж точно. Как-то все же соберитесь, а то на польскую территорию вас не пустят. Припудритесь, что ли...

– Спасибо.

Пограничник ушел.

– Везете спиртное, сигареты? – заглянула в купе таможенница.

– Все выпили, – ответил Игорь.

– Шутите? С таможей не шутят! – нахмурилась женщина.

Еще несколько долгих и мучительных для своего здоровья минут Фрося провела в туалете, а потом, когда в желудке уже совсем ничего не осталось, легла в позе трупа в купе на верхней полке. Сил приводить себя в порядок не было никаких.

Польские пограничники, на удивление, оказались менее привязчивыми, и состав покатил дальше. Мерное покачивание вагона сводило Ефросинью с ума.

– Вы как? – заглянули к ней молодожены.

– Ой...

– Понятно. Хорошо, границу прошли. Теперь уж скоро будем на месте.

– Я не доеду!

– Надо выпить, – твердо сказал Игорь.

– Нет!

– Как ни странно, но станет лучше. Или наоборот, совсем вырубит.

– Лучше бы меня вырубил, чтобы ничего не чувствовать... – простонала Ефросинья.

– Ладно, лежите, – вступила в разговор Таня. – Давай, Игорь! За нас всех! И еще раз поиграем и развлечемся, чтобы дорога скучной не была!

Все-таки молодость и здоровьем отличалась, и неутомонностью.

Ефросинья снова и снова проваливалась в колодец, в воронку, в кратер вулкана – во все, где есть глубина. Везде она встречалась с невидимым духом и везде тщетно пыталась оправдаться, что все еще пьяна, что не образумилась с их последней встречи и по-прежнему не влюблена.

– Это так быстро не делается! – говорила Фрося.

– Тебе сколько лет?

– Ну...

– Под сорок! И до сих пор ангел тебя не поцеловал? Любовь не испытала? Ущербная ты, Фрося!

– Я исправлюсь! – плакала она.

– Да нет у тебя времени исправляться! Противно тебе, пьяной, шанс давать. Я же не всем даю шанс, а вот тебе просто не хочу! – капризничал дух.

Слезы все лились и лились из глаз Ефросиньи. Одни дорожки уже высохли, полились другие слезы, смачивая засохшие и прокладывая новые. Вдруг она увидела темный низкий потолок и обнаружила, что лежит на очень широкой кровати под бордовым балдахином, которая находилась посреди комнаты со светлыми стенами и совершенно нестандартной формы окнами с мозаичными стеклами. Высокий статный мужчина стоял у окна и курил. Дым окутывал его голову и черные волосы с проседью.

Ефросинья захлопала ресницами. «Не с ним ли я разговаривала? Нет, бог не может курить... О чем это я?»

И тут ее сознание пронзила неожиданная мысль – мужчина был ее первой любовью Владом Светловым.

«Вот и встретились... – похолодела Фрося. – Знала бы раньше, что как только помру, увижу его, давно наложила бы на себя руки! А зачем он меня здесь ждет? Попросить прощения? Нет! За что, собственно? Кстати, надо напомнить духу, что и мое сердце способно наполняться любовью. Молодчина, Влад. Обеспечил мне проход, надеюсь, в рай. Вот не знала, что и он уже... того...»

Ефросинья зашевелилась, и мужчина сразу же обернулся, окинув ее очень внимательным и серьезным взглядом. Выкинул окурок в окно, подошел, присел к ней на кровать. Фрося смотрела на него во все глаза. Конечно, Влад изменился, возмужал, но остался абсолютно узнаваемым. И все таким же красивым и харизматичным. Не спрашивая ее разрешения, он взял ее руки в свои, и Фрося моментально ощутила тепло его ладоней.

«Странно, а я думала, что мы там все холодные и бестелесные...» – мелькнуло у нее в мозгу.

– Здравствуй, Фрося! – сказал Светлов неизменившимся низким голосом.

Она отдернула руку и сжалась в комок, словно ее стукнули.

– Ты не узнала меня? Это же я, Влад.

Ефросинья попыталась встать с кровати – и моментально повалилась назад, так как ее безумно зашатало. Влад подхватил ее под руки.

– Ты куда собралась-то?

– Мне все равно. Туда, где тебя нет. Если я в раю, значит, в ад. Если в аду, то в рай.

– Тебе совсем плохо, ты должна полежать...

– Полежу я на кладбище! – отвернулась от него Ефросинья, уже поняв, что все еще находится на этом свете, раз у нее так сильно бьется сердце и потеет спина при виде любимого когда-то мужчины.

Сколько раз ей представлялось, как они встретятся. Как Влад падает перед ней на колени и слезно просит прощения за все. Говорит, что был не прав, что он просто конченный дурак, раз ушел от нее, что все время думал только о ней и с ума сходил от любви к ней. Но она не прощает его, потому что простить смерть своей души и сердца невозможно. И гордо уходит, а Влад заканчивает жизнь самоубийством. Наконец-то она отомщена! Отлились ему все ее слезы! А на душе становится тепло, хоть и не весело...

Но вот совершенно внезапно они действительно встретились, Влад даже уже держал ее за руку, только почему-то не бьется в конвульсиях, прося у нее прощения.

– Фрося, мы не виделись лет пятнадцать. И я очень рад снова тебя видеть.

– А я не очень...

– Отчего ты такая агрессивная и злая?

– А ты чего ко мне пристал? Где я вообще? Почему ты тут? – вспылила Ефросинья, просто-таки чувствуя, как к ее голове прихлынула вся кровь ее организма. Сразу же стало жарко и душно.

– Ты ведь сама приехала ко мне... – растерялся мужчина.

– Я?! Ты с ума сошел! Что вообще произошло? Что ты сделал со мной? У меня провал в памяти!

Влад отошел к окну, ворча:

– Да, да, именно ты ко мне приехала, а не я к тебе. Чего теперь злишься?

– Чтобы я к тебе приехала? Никогда в жизни! – захлебнулась от возмущения Фрося. – Лучше смерть!

И тут Владислав рассмеялся. Это было так похоже на него. В этом был весь он. Его потрясающая улыбка, знакомые ямочки на щеках... И даже седина в волосах не состарила его ни на йоту.

– Зная твой характер, Фрося, я тоже был весьма удивлен. Сижу вечером, никого не трогаю, ничего лишнего не делаю. И вдруг звонок в дверь. И кого я вижу, открыв ее?

– Не знаю, – передразнила его Ефросинья.

– И не догадаешься никогда. А вижу я... лося, – ответил он ей.

– Да что ты говоришь? Не знала, что ты стал так пить, что к тебе лоси приходят, – прищурила глаза Ефросинья.

– Так лосем ты была, – продолжал улыбаться Влад.

– То есть жизнь тебя помотала, раз ты совсем дурачком стал... – покачала головой Ефросинья. – Я ведь и огреть тебя могу! Не веришь? Могу, уж поверь! Я, конечно, не помолодела за это время... Кстати, говоришь, пятнадцать лет прошло? Нет, шестнадцать, дорогой, и пять месяцев! Короче, много воды утекло, но я все равно не думаю, что выгляжу как лось. Только у меня настолько к тебе все умерло, что я даже не обижаюсь! – заявила она, разглядывая мозаичный паркетный пол.

– Ты и раньше выглядела хорошо, и сейчас выглядишь отлично. А вот что с тобой произошло за эти годы? Какая жизнь была у тебя? Все вопросы, которые ты задала мне, я бы с большим удовольствием переадресовал тебе. Когда ты заявила сюда, ты, во-первых, была пьяная до такой степени, что тебя держал таксист.

– Таксист? – переспросила Фрося, машинально сев в кровати.

– Что, не помнишь? Да, таксист внес тебя на руках. А во-вторых, ты была в костюме лося, как я уже говорил. И не надо на меня так смотреть, вот в углу твоя одежда лежит, – мотнул головой Владислав.

Ефросинья, совершенно ошарашенная, посмотрела на старинное резное кресло со слегка обшарпанной бархатной обивкой цвета красного вина. На нем валялась коричневая шкура с большими рогами. Конечно, шкура была не настоящая, а плюшевая.

– Я пришла в этом?.. – оторопела Фрося.

– А ты видишь здесь другую одежду?

– Ты не разыгрываешь меня? Всегда ведь любил так делать... – совсем стушеввалась Ефросинья, натягивая на себя шелковую простыню нежно-абрикосового цвета. Ведь сидела она в комплекте нижнего белья, не в самом эротичном, а в очень даже скромном и обычном.

– Мне не до розыгрышей, я был в шоке, – заверил ее Владислав. – Я, конечно, сразу же тебя узнал, поэтому и принял. Я бы принял тебя, Ефросинья, и в шкуре осла, и тигра, и верблюда. Но я был очень удивлен. Но ответить на мои вопросы было некому. Ты была практически без сознания, несла какой-то пьяный бред: «Вы классные ребята! Мы здорово зажгли! Горько!» А таксист только и бормотал, что тебя засунула к нему в машину парочка молодых людей на вокзале, попросив отвезти по адресу. И еще пожелав тебе счастливого пути. И вот ты здесь, и очень странно, что сама ничего не помнишь, – пояснил Владислав.

Ефросинья немного сконцентрировалась.

– Пили мы в поезде сильно... Точно! Я же вообще-то не пью, а тут все внове – путешествие... ощущение свободы... Да еще в попутчиках оказались молодожены. Границу прошли, и тут снова началось... Мы еще в фанты играли, а у ребят были с собой костюмы. Со свадьбы, что ли. Наверное, мне загадали одеться в лося? – совершенно по-глупому хлопнула она ресницами.

– Ты меня спрашиваешь? – изумился Владислав. – Я не знаю! Меня там не было!

– Хорошо, а где моя остальная одежда? – поинтересовалась она и снова натолкнулась на знакомый насмешливый взгляд.

– Ты сама сказала, сколько лет мы не виделись? То-то же! Я не знаю ничего ни про тебя, ни про твою одежду...

– А мой чемодан? – Глаза Ефросиньи стали совсем громадными. – Таксист принес мой чемодан?

– Нет, он мне отдал только тебя в костюме лося.

– А мы вообще где? – спросила Фрося.

– В смысле?

– Я ехала в Краков.

– Ты в Кракове.

– Но я понятия не имела, что ты живешь здесь, в Польше. Как я могла оказаться у тебя? – недоумевала Фрося.

– Таксист привез тебя по адресу, который ему дали, – протянул ей листок Владислав.

– Ну да, я ехала к Людвигу Люцеусу, все верно. А при чем тут ты? Только не говори, что это ты и есть!

– Я его зять, – представился Владислав. – Я женился на его дочери...

– Стоп! Можешь не продолжать, я все поняла. Это самое нелепое совпадение, случившееся в моей жизни! А теперь прощай. Мне только надо передать твоему тестю кое-какие бумаги моего отца.

– Это невозможно. Дело в том, что мой тесть умер около двух лет назад, – пояснил Владислав, внимательно разглядывая Ефросинью.

Повисла неловкая пауза.

– Надо же, не успела!

– Прости, на меня так много всякого сразу навалилось, что я не сообщил твоему отцу, хотя был в курсе, что они дружили.

– Это ничего бы не изменило, – отмахнулась Ефросинья. – Ведь мой отец тоже умер два года назад.

– Извини, Фрося, не знал. Я очень уважал его.

– Я помню. Но я...

– Понимаю, ты не хотела меня видеть. Даже не хотела думать обо мне. Больше скажу – не хотела даже подумать о том, чтобы подумать обо мне.

– Давно ты за границей, изъясняться стал – хуже некуда! «Подумать о том, чтобы подумать...» – передразнила Фрося и отвела глаза.

Она знала, насколько ее покойный отец любил и ценил своего талантливого ученика Влада. Дело в том, что учились они с Владом в одном университете, но на разных факультетах. Ефросинья на факультете иностранных языков, а вот Владислав на факультете физики и кибернетики, где читал лекции профессор Кактусов. И познакомилась Ефросинья с Владиславом сначала заочно. Отец дома за ужином, за которым собиралась вся семья, просто захлеб рассказывал о своем талантливом ученике.

– Просто потрясающий парень! У него отличное логическое мышление! Для него вся программа института – пройденный этап. Попомните мое слово – мир его еще узнает! У него все будет супер... если не подведет характер.

– А что у мальчика с характером? Он безволен? – поинтересовалась супруга Зинаида Федоровна, ставя супницу на стол.

– Небось, какой-то конченный ботан? – уточнила Ефросинья.

– А вот и не угадали! Наоборот, парень абсолютно неуправляемый. Гордый и свободолюбивый. Не посещает занятия, особенно по предметам, которые ему неинтересны. Постоянные прогулы! Я устал отмазывать его от претензий деканата. Парень курит, иногда хамит и дерзит, ездит на мотоцикле, носит длинные волосы.

– Не люблю таких, – нахмурилась Зинаида.

– Скорее, боишься и не понимаешь. А я люблю неординарные личности, – возразил жене профессор.

А вскоре его ученик зашел к ним в гости и встретился взглядом с Фросей. Что сыграло для нее роковую роль.

Сам Кактусов поддержал их дружбу, хоть и переживал за дочь, понимая сложность характера своего любимца и то, что молодые люди очень разные по характеру.

– Как бы ты не обожглась... – предостерегал он дочку.

– А все ты! Привел своего уника в наш дом, и что теперь? – восприняла в штыки нового знакомого Зинаида Федоровна, и все по тем же причинам. – Не пара они! Задурит девчонке голову и бросит! А еще и, не дай бог, беременную оставит! А тебе-то все равно, скажешь, что внуки будут архиодаренные!

И Фрося знала, что когда они с Владом расстались, отец хотя и перестал говорить о нем, чтобы не травмировать дочь, но хорошего мнения о нем не поменял...

Ефросинья вернулась мыслями в настоящее время.

– Вот как получилось, значит. Папа за несколько дней до смерти уговаривал меня съездить к своему польскому другу. Потом умер, я закрутилась, впала в депрессию, забыла о его просьбе. А тут случайно увидела папку, о которой он говорил, и подумала, что надо выполнить последнюю волю отца, если это было так важно для него. И вот – на тебе! – развела Фрося руками. – Ладно, пойду я...

– Куда? – удивился Владислав.

– Куда-нибудь. Не имею желания знакомиться с твоей женой. Ой, я же должна была отдать листы с непонятными для меня цифрами твоему тестю! Но если его уже нет, а ты тоже физик, то, может, они тебе пригодятся? Давай я папку тебе оставлю, хоть частично исполню свой долг...

Ефросинья застучала по своим бокам, словно в поисках карманов, и тут ее как будто паралич разбил. Она замерла почти на полуслове. Но через минуту отмерла и закричала:

– Влад! У меня же нет ни этой папки, ни вещей! Где мой чемодан? Господи, а где мое все?! Ты правду сказал, что меня привезли без вещей?

– Главное, успокойся!

– Меня обворовали, а ты говоришь «успокойся»? Конечно, тебе-то что. Ты даже не вызвал полицию, а только смеешься надо мной!

– Фрося, я же не мог знать, что тебя обворовали. Ты приехала на такси пьяная, в костюме лося. Я подумал, что ты остановилась где-то в городе и решила меня разыграть.

– Хорош розыгрыш! Я же прямо с поезда! – Ефросинья мрачнела с каждой минутой. – Меня ограбили! Украли все вещи! Там же деньги, Влад, целых полмиллиона рублей! Господи, это же аванс, я еще должна его отработать! Взясась за то, чего никогда не делала, и теперь, получается, мне предстоит писать чертов роман, можно сказать, бесплатно! Вообще-то деньги нужно было отдать человеку, у которого мама одолжила мне на операцию, я их взяла с собой на всякий случай, ведь впервые ехала за границу...

Ефросинья с каждой минутой все больше осознавала отчаянность своего положения и уже не знала, за что ей хвататься, за голову или за сердце.

– Воды? – спросил Владислав.

– Кофе бы...

– Тогда идем.

Светлов помог ей встать и повел в неизвестном направлении, минуя просторные комнаты, по бесконечным коридорам с подсветкой на стенах и потолках с лепниной, со старинной мебелью...

– Что это? Коттедж? Дом? – спросила Фрося.

– Скорее поместье. Очень старое и красивое.

– Хорошо живешь...

– Не жалуюсь, – покосился на нее Влад.

– Прислуги много?

– Пара-тройка человек в доме, садовник, и все.

– «Пара-тройка человек...» – передразнила его Ефросинья. – И у каждого ребенка по няньке?

Владислав промолчал. Наконец они пришли в красивую и просторную круглую комнату с большим круглым столом посередине и висящей над ним круглой же люстрой с хрустальными подвесками. Высокие стулья, обитые темно-зеленой кожей и с резными подлокотниками, как бы сами, лучше всяких слов, приглашали усаживаться и располагаться

поудобнее.

– Ты садись, а я сейчас... – сказал Владислав и скрылся за одной из трех дверей.

Но Ефросинья, пребывавшая в состоянии сильного душевного волнения, не могла находиться на одном месте и двинулась по периметру комнаты, осматривая все, что попадалось на глаза, затуманенные слезами. Огромные книжные шкафы, конечно же, немедленно привлекли ее внимание.

«Потрясающее собрание! – сразу оценила библиотеку Фрося. – Девятнадцатый, двадцатый век... поэзия... Как же я все-таки это люблю! Это – мое!» Она тут же взяла томик со стихами на английском языке и погрузилась в чтение. Кактусова могла провести в таком состоянии, уходя в себя, и час, и два, и три. Потому что вчитывалась в каждое слово с профессиональным интересом, очень вдумчиво, словно заранее прикидывая, как бы этот текст лег на русский язык.

– А вот и мы! Прости, что задержался! – вывел ее из задумчивости голос Владислава.

Ефросинья оторвала взгляд от пожелтевших страниц. Рядом с Владом стоял невысокий кудрявый мужчина в мешковатом костюме странного грязно-песочного цвета.

– Фрося, познакомься, это помощник комиссара полиции Вацлав Бельских, мой хороший друг. Он, кстати, хорошо говорит по-русски. Хотя к чему это я? Ты же умничка, на многих иностранных языках, как на родном, говоришь.

– Очень приятно! – широким шагом направился к госте из Москвы низкорослый мужчина. – Друзья Влада – мои друзья!

Он пожал ей руку и совершенно по-русски вытащил из внутреннего кармана пиджака бутылку. По внешнему виду – коньяка.

Тут же в комнату вкатилась заставленная посудой тележка, которую толкала красивая молоденькая девушка в форме горничной.

– А вот и еда. С дороги надо обязательно перекусить. То есть поужинать, – прокомментировал Светлов.

– Вы ведь не просто так пришли? – обратилась к Вацлаву Фрося.

– Да, мне позвонил Влад и рассказал, что с вами произошло. Я, как представитель власти, готов вас выслушать и помочь.

– И не просто выслушать, а запротоколировать! – поднял указательный палец хозяин дома.

– Конечно. Все, что вы сейчас расскажете, будет оформлено как совершенно официальная информация, хоть и полученная в неофициальной, так сказать, обстановке, – подтвердил Вацлав Бельских.

– Я пить не буду, – покосилась на бутылку Ефросинья. – Мне и так плохо... Похоже, все и случилось из-за того, что я напилась.

– Чисто символически! Это прекрасный коньяк из подвалов Влада! – чуть ли не облизнулся Вацлав, глядя на бутылку. – Он знает, что я люблю.

Горничная ловко накрывала круглый стол. Тарелки из белого фарфора с золотыми лилиями, серебряные столовые приборы... В белых салатниках с золотой каемкой два салата, выглядевшие как в дорогом ресторане, аппетитного вида окорок, ветчина и сырокопченая колбаса нескольких сортов... Тарелка с элитным, судя по буйной плесени, сыром, щедро сдобренным крупными грецкими орехами и виноградом... Круглая тарелка с трогательными канапе с красной икрой, креветками и еще какими-то морскими гадами, то есть, извините, морепродуктами... Затем горничная ненадолго удалилась и вернулась с минеральной водой,

бокалами для коньяка и стаканами для свежевыжатого апельсинового сока, кувшин с которым уже красовался на столе.

– Я буду записывать нашу беседу, – сказал Вацлав и достал маленький диктофон.

– Все будете записывать? – усмехнулась Ефросинья. – И как мы есть и пить будем?

– Я потом вычленю нужную информацию. Это же не показания для суда, но повод мне все проанализировать, задуматься и помочь вам. Или можно говорить «тебе»?

– Можно «тебе», – вздохнула Ефросинья. – Вы знаете, мне причинили колоссальный материальный ущерб. Просто потрясающий!

– Какой именно?

– Полмиллиона рублей. Плюс моя одежда, вещи... Господи, документы! Там же был паспорт! Как мне теперь вернуться домой? Свяжите меня с посольством!

– Не волнуйся, свяжем и все сделаем... Но начнем по порядку. Сначала выпьем! – предложил Вацлав.

Они выпили, и Фрося закашлялась. Влад налил ей минеральной воды и протянул кусочек сыра.

– С... сп... спасибо... Ух, как зажгло! – прослезилась Ефросинья.

– Я бы на твоём месте не беспокоился, имея такого друга, как Влад, – обратился к Фросе помощник комиссара.

– Что вы имеете в виду? – не поняла та, сидевшая за столом в огромном махровом халате с чужого плеча за неимением другой одежды. Не костюм же лося, в самом деле, ей было снова надевать.

– Так Влад баснословно богат и является членом благороднейшего общества. Кому он только не помогал! И продолжает помогать! Начиная с тигров в тайге и заканчивая больными детьми в Африке. Что ему стоит помочь другу юности из Москвы?

– Ничего не стоит, – без эмоций подтвердил Владислав, качнув головой.

– Вот вы к чему клоните! – вспыхнула Ефросинья. – Боюсь, я не смогу воспользоваться услугами этого господина. Мы с ним – не настолько друзья.

– Я чего-то недопонял? Вечер, вы вдвоем, причем женщина в халате, фактически неглиже... Я уж порадовался было за своего друга.

– Зря, – поджала губы Фрося. – Видимо, вы не дружите с его женой.

– С Розалиндой? – совсем растерялся Вацлав.

– Вот уж не знаю, как ее зовут. Я очень старый друг господина Светлова, можно сказать, еще из прошлой жизни, – не унималась Ефросинья.

– Розалинда Люцеус, – пояснил помощник комиссара.

– Оставим эту тему, – спокойно произнес Владислав, – и выпьем за знакомство! За новое знакомство!

– Знакомство заново? – хитро улыбнулся помощник комиссара.

Сказано – сделано.

– Ну а теперь поподробнее о том, куда делись твои вещи, – скомандовал Вацлав.

И Ефросинья, стараясь держаться абсолютно хладнокровно и спокойно, рассказала, как села в купе, как познакомилась с попутчиками, как напилась, как пересекли польскую границу и как очнулась уже без ничего в доме Люцеусов.

Вацлав захрустел каким-то экзотическим овощем.

– Все понятно!

– Что?

– Парочка молодоженов тебя и обчистила.

– Может, таксист? – возразил Влад.

– Вряд ли. Очень странно, если человек не помнит целого куска жизни. Это нехорошо. То есть если бы Фрося напилась, даже сильно, то все равно были бы хоть какие-то проблески, обрывки, куски... А когда память отшибает так вот напрочь...

– Это говорит о каком-то химическом вмешательстве? – догадался Влад.

– Точно! Скорее всего, в алкоголь что-то подмешали, – согласился помощник комиссара. – И если Фрося не пила, не ела с таксистом, а она с ним не пила и не ела, иначе помнила бы его, следовательно, это могли сделать только Игорь и Татьяна.

– Зачем? – удивилась Кактусова. – То есть понятно, зачем, но не верится. Такие милые люди, молодожены...

– Какая ты наивная, Фрося! – не выдержал Владислав. – Молодожены... Ты лично, что ли, их женила? Откуда ты знаешь? Наверняка они парочка обычных мошенников. Свадьба – легенда, чтобы расслабить бдительность таких вот доверчивых граждан.

– Но, возможно, идея обчистить тебя пришла к ним спонтанно. Вполне вероятно, что парень с девушкой не профессионалы, а совершили ограбление в первый раз, воспользовавшись моментом, – откликнулся Вацлав.

– А кого найти легче будет? – спросила Ефросинья.

– Конечно, дилетантов.

– Тогда выпьем за то, чтобы они оказались дилетантами! – поднял бокал Владислав.

– Мне нужно знать номер твоего поезда и купе, а также какие-нибудь приметы внешности этой парочки. Хоть помнишь, как «молодожены» выглядели? – покосился на Фросю Вацлав.

– Естественно. Таня ростом примерно сто шестьдесят пять сантиметров, хрупкого телосложения, но плечи широкие, талия узкая, длинная шея с родинкой справа. Узкое лицо, узкие губы, глаза серо-голубые, белая кожа, без косметики, веснушки. Игорь... – и Фрося набросала словесный портрет молодого человека под удивленными взглядами двух пар глаз.

– Так досконально? Поразительно! И фоторобот сможешь составить? – поинтересовался помощник комиссара полиции.

– Конечно! Могу даже нарисовать их сама, – с вызовом в голосе ответила Ефросинья, потирая пальцем спелый персик.

– Ага! Она неплохо рисует, может их изобразить в рамочке с ангелочками и розочками, – усмехнулся Влад.

– А ты много обо мне помнишь! – зыркнула в его сторону Фрося.

– Я все помню...

– А я вот все постаралась забыть!

– Ты всегда была гордячкой!

– Лучше быть гордячкой, чем шлюшкой!

– Шлюшкой жить легче!

– А я не ищу легких путей!

– Брэк! – гаркнул, поочередно глядя на хозяина дома и его гостью, помощник комиссара. – Вы с ума сошли? Откуда столько злости? Сцепились словно две собаки!

– Извини, – стушевался Влад.

– А еще вы сейчас были похожи на пару супругов, проживших лет двадцать вместе и просто погрязших во взаимных претензиях, – выдохнул Вацлав.

– Простите, – в свою очередь извинилась Фрося. Но тут же не удержалась от язвительного замечания: – Привет Розалинде!

– Фрося, прошло столько лет! – снова возмутился Влад.

– Исковерканная жизнь не исчисляется прошедшими годами! Сломанная веточка перестает жить, даже если ее подвязать тряпочкой и поливать водой! – выпалила девушка.

Над столом повисло тяжелое молчание. Каждый из присутствующих подумал о своем. Ефросинья о том, не сболтнула ли она лишнего. Владислав о степени нанесенной им боли. А Вацлав о том, что он, оказывается, не очень хорошо знает русский язык, раз ничего не понимает про веточки и тряпочки.

– Все было очень вкусно, спасибо за душевный прием, – первой нарушила тишину Ефросинья.

– Фрося, я, честное слово, не знал, что сломал тебя. Ты же никогда даже не говорила, что любишь меня. Мы просто дружили. Я думал, ты быстро обо всем забудешь. Но сейчас вижу: раз ты до сих пор злишься, то значит, обижена на меня, и обижена сильно.

– Да плевала я на тебя! – выкрикнула Ефросинья с пунцово-красным лицом.

– А еда и правда вкусная, – робко вклинился в очередную их перепалку Вацлав, пытаясь вырулить беседу на безопасные рельсы.

– Ты все это записывал? – спросил Владислав у друга.

– Да, я не выключал диктофон, – кивнул помощник комиссара.

– Тогда запишите еще... так, для истории. – Ефросинья поднялась на ноги и опрокинула себе в рот рюмку коньяка. – Хочу заявить о преступлении! Жила-была одна девушка, очень ранимая и эмоциональная, и в своей юности имела неосторожность встретить принца, то есть мужчину, в которого влюбилась сильно, с полной самоотдачей, до последнего вздоха. Молодая дура была, доверилась ему! Она умела красиво объясняться, так как прочитала много правильных книг, но молчала о своих чувствах, потому что зачем говорить, когда и так все ясно. Первая любовь – это то, что навсегда остается с тобой... Та бедная девушка считала себя очень счастливой – ей ведь так повезло, если она так сразу встретила своего принца. Она восторгалась им. А принц был умен, красив и, что называется, чертовски обаятелен, к тому же с прекрасным чувством юмора. Этаким мужчина-праздник... И только им наша жертва жила, только с ним могла свободно дышать и улыбаться. А потом... потом, извините, она узнала о том, что ее любимый женился на другой. Вот так вот! Женился на другой и куда-то уехал, даже не объяснившись. Ну и кто он после этого, ее принц?

– Сволочь, – ответил Вацлав.

– Я тоже так думаю. Уехал, оставив ее с сердцем, облитым слезами и кровью. А девушка просто не смогла больше никому верить, испугавшись, что еще кто-нибудь поступит с ней точно так же, а второго обмана она точно будет не в силах вынести. За это должен кто-нибудь ответить? За ее слезы, боль, за не рожденных его детей, за отсутствие счастья?

Вацлав икнул.

– За это? Кхе-кхе... боюсь, что закон не предусматривает наказания за то, что кто-то кого-то бросил. Несчастную любовь никто не отменял, и страховки от нее нет. Есть, правда, одна лазейка, но она очень нехорошая.

– Можно поинтересоваться, какая именно? – с глупой улыбкой спросила уже сильно опьяневшая Ефросинья.

– Если бы героиня твоего рассказа, печально влюбленная, покончила бы счеты с жизнью и наложила на себя руки, то можно было бы попробовать вменить ее принцу статью за

доведение до самоубийства. Хотя – очень маловероятно, что получилось бы. А так – ничего...

– Вот то-то и оно! Женщине жизнь изувечили, а ему – ничего! На самоубийство она не решилась, только лишь потому, что подумала о своих родителях. Те точно не пережили бы ее гибель. Вот она и выжила, если это можно назвать жизнью.

– А чего ты так кипятишься? Она твоя знакомая, что ли? – удивился Вацлав.

– Ага! Очень хорошая знакомая! – хмыкнула Ефросинья.

Влад поднял голову и очень внимательно посмотрел ей в глаза.

– Думаю, тот человек, раз он нанес девушке такие душевные раны, все равно ответит если не перед человеческим судом, то перед божьим. А может, уже ответил, откуда ты знаешь? – задумчиво предположил помощник комиссара.

– Что-то не похоже. Он богат, счастлив, женат, имеет, наверное, кучу детей. И знаете, что в этой ситуации самое плохое? – спросила Фрося.

– Понятное дело! То, что он бросил ее! – хлопнул ладонью по столу Бельских, тоже размякший от выпитого.

– Нет, Вацлав, не это! – Фрося обращалась к другу хозяина дома, но смотрела на Владислава, радуясь тому, что сильно выпила, ведь на трезвую голову никогда бы не решилась говорить столь откровенно. Сейчас она открыла для себя и положительную сторону от приема алкоголя, а не только то, что человек может выпить, заснуть и очнуться без денег, вещей и документов. – Больше всего меня поразило то, как он поступил со мной – даже не объяснился! За что? Почему не посмотрел в глаза и не...

– Что? Не позвал на свадьбу? – усмехнулся Влад. – Тебе бы легче стало?

– Постойте? Минуточку! Фрося, почему ты теперь говоришь не о своей подруге, а о себе? Я что-то пропустил? – всполошился помощник комиссара. – Так это ты о себе рассказывала? Вот оно что! А я-то, дурак, сижу и ничего не понимаю... Влад, значит, ты когда-то бросил ее?

– Да, шестнадцать лет назад, – ответила ему за Светлова Ефросинья.

– А ты злопамятная, – все равно остался на стороне друга полицейский, проявляя мужскую солидарность. – Я прямо не верю. Влад совершенно не похож на человека, способного на такой поступок.

– Люди меняются, Вацлав, и у каждого своя правда, – заступился за себя Влад.

– Вот мне и хотелось бы услышать твою правду! – воскликнула Фрося.

– Теперь и мне тоже, – поддержал ее Вацлав.

– Может, в другой раз? – скривился хозяин.

– Влад, женщина только что призналась, что она тебя любила, а ты разрушил ее жизнь, и ты промолчишь? Ну же, заступись за нас!

– За нас? – уточнил Владислав.

– Она же теперь всем мужчинам не верит и всех считает способными на подлость. Ну же, говори!

– Хорошо. Речь идет о первой любви молодого человека и девушки очень умной, очень порядочной и очень красивой. Я считал так тогда, так же считаю и сейчас. Три года я ходил с ней за ручку! Но парню в восемнадцать и уж подавно в двадцать один год требуется кое-что еще... Гормоны бьют в голову и другие места, простите за откровенность. И когда я предложил своей девушке перевести наши отношения на следующий уровень, она осталась холодна.

– Я стеснялась, была неопытна.

– Я тоже! Если бы ты любила меня, мы вместе прошли бы этот путь. Но ты предлагала остаться друзьями. Или обижалась, или делала вид, что ничего не замечаешь. Для меня это было ужасно.

– Ты хотел секса? – фыркнула Фрося.

– Представь себе!

– Так это нормально для парня-то... – поддержал друга Вацлав. – Я бы три года не выдержал с женщиной, похожей на от мороженную рыбу.

– Я и не сомневалась, что мужчины друг друга поймут! – с горечью сказала Ефросинья.

– Больше скажу: я страшно расстроился тогда. Решил, что ты действительно питаешь ко мне исключительно дружеские чувства, и очень страдал...

– Я любила тебя больше всех!

– Ты никогда не говорила мне этого.

– Девушка не должна...

– Чушь! Когда сердце захлебывается эмоциями, человеку хочется кричать об этом всему миру! А ты не шла ни на какой контакт, ни на физический, ни на эмоциональный.

[Купить полную версию книги](#)